

**ПОСТ-СИНОДАЛЬНОЕ
АПОСТОЛЬСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ
ИОАННА ПАВЛА II
К ЕПИСКОПАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И ВЕРНЫМ
RECONCILIATIO ET POENITENTIA
О ПРИМИРЕНИИ И ПОКАЯНИИ
В МИССИИ ЦЕРКВИ СЕГОДНЯ**

Введение

Истоки и значение настоящего документа

1. Говорить с мужчинами и женщинами нашего времени о примирении и покаянии, – значит приглашать их вновь открыть те самые слова, которыми Спаситель и Учитель наш, Иисус Христос, начал Свою проповедь: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» (1), переводя их на язык слушателей, то есть говоря: примите благуя весть о любви, об принятии в число детей Божиих, и потому – о братстве.

Почему Церковь вновь говорит об этом и вновь предлагает это приглашение?

Забота о том, чтобы лучше знать и понимать современного человека и современный мир, о том, чтобы разрешить их загадку и раскрыть их тайну, распознать в них добрую и дурную закваску, давно уже побуждала многих людей обращать вопрошающий взор к человеку и к миру. Таков взор историка и социолога, философа и богослова, психолога и гуманиста, поэта и мистика. И в еще большей мере таков взор пастыря – озабоченный, но исполненный надежды.

Его с особенной силой отражает каждая страница важной Пастырской конституции Второго Ватиканского Собора «О Церкви в современном мире», *Gaudium et Spes*, – прежде всего в его обширном и всеохватывающем введении. Подобным образом этот пастырский взор запечатлен и в некоторых документах, опубликованных благодаря мудрости и любви моих досточтимых предшественников, выдающееся правление которых было ознаменовано историческим и пророческим событием – деятельностью упомянутого Вселенского Собора.

Наряду с прочими людьми, пастырь может заметить, среди различных прискорбных особенностей мира и человечества наших дней, существование множества глубоких и болезненных разделений

Разбитый мир

2. Эти разделения можно увидеть во взаимоотношениях между отдельными людьми и их

сообществами, а также и на уровне более значительных сообществ: народы противостоят другим народам и объединениям враждебно настроенных к ним стран в безудержном стремлении к господству. У истоков этого отчуждения нетрудно разглядеть конфликты, которые, вместо того, чтобы быть разрешенными путем диалога, обостряются в противоборстве и вражде.

Внимательные наблюдатели, изучая то, что привело к разделению, обнаруживают самые разнообразные причины: от растущего неравенства между сообществами людей, классами общества и странами, до идеологического соперничества, которому еще далеко до исчезновения; от борьбы экономических интересов до усиления политического противостояния; от межплеменной розни до дискриминации по причинам социального и религиозного характера. Более того, некоторые очевидные для всех факты являют нам скорбный образ тех разделений, плодом которых они становятся, совершенно конкретным образом показывая их серьезность. Среди многих иных прискорбных социальных феноменов нашего времени можно отметить:

- Попраение основных прав человеческой личности, среди которых первое место занимают право на жизнь и право на достойный уровень жизни; оно особенно постыдно, поскольку сосуществует с неведомой никогда прежде демагогией в отношении именно этих прав.
- Скрытые нападки на свободу отдельных людей и сообществ и ее подавление, не исключая и свободы, которая наиболее часто нарушается и подвергается угрозе – свободе придерживаться своей веры, исповедовать ее и следовать ей.
- Различные формы дискриминации: расовой, культурной, религиозной и т.п.
- Насилие и терроризм.
- Применение пыток, а также несправедливых и незаконных методов принуждения.
- Накопление обычного и ядерного вооружения, гонка вооружений, при которой на военные цели тратятся средства, которые могли бы быть использованы чтобы облегчить незаслуженные страдания людей, испытывающих социальный и экономический гнет.
- Несправедливое распределение мировых ресурсов и благ цивилизации, достигающее наивысшего уровня при том типе общественного устройства, при котором различие между условиями жизни богатых и бедных становится больше, чем когда-либо. Огромное влияние этого расслоения разбивает мир, в котором мы живем (2) до самых его оснований (3).

Более того, Церковь – не сливаясь с миром и с его бытием – находится в мире и участвует в диалоге с миром (4). Поэтому неудивительно, что и в структуре самой Церкви можно заметить отражение и знаки разделения, существующего в человеческом обществе. В дополнение к разделениям между христианскими исповеданиями, которые влияли на жизнь Церкви столетиями, она ныне внутри себя встречается с отдельными разделениями между ее членами, разделениями, причиной которых становятся различия во взглядах или принятых решениях в вероучительной и пастырской области (5). Эти разделения тоже иногда могут казаться неисцелимыми.

Сколь бы беспокоящими не казались эти разделения при первом взгляде на них, исток их можно определить лишь после внимательного рассмотрения, и он – в той ране, что несет на

себе самая сокровенная часть человеческой личности. В свете веры мы называем ее грехом: от первородного греха, унаследованного нами при рождении от наших прародителей, до того греха, который каждый из нас совершает, когда мы недолжно употребляем свою свободу.

Стремление к примирению

3. Несмотря на все это, тот же пытливый взор, если он достаточно проницателен, обнаруживает в самом средоточии разделения несомненное желание людей доброй воли и истинных христиан: преодолеть разделения, исцелить раны и к восстановить на всех уровнях существенное единство. Это желание вызывает во многих людях подлинное стремление к примирению, даже в тех случаях, когда само это слово в действительности не используется.

Некоторые считают примирение неосуществимой мечтой, которая в идеале могла бы стать средством подлинного преобразования общества. Другие считают, что оно осуществимо путем тяжких усилий и потому является целью, которой можно достичь благодаря серьезному размышлению и действию. Как бы то ни было, устремление к искреннему и устойчивому примирению, вне всякого сомнения является основополагающей движущей силой нашего общества, отражая неужержимую жажду мира. И, даже если это и парадокс, это устремление столь же сильно, как и те силы, что приводят к разделениям.

Но примирение не может быть менее глубоким, чем разделение. Устремление к примирению и само примирение будут полными и действенными лишь в той степени, в которой они смогут достичь изначальной раны, ставшей причиной всех ран – то есть греха – с тем, чтобы исцелить ее.

Взгляд Синода

4. Поэтому любое учреждение и любая организация, занимающиеся служением людям и стремящиеся спасти людей, рассматриваемых в глубинных измерениях их природы, должны подробно изучить примирение, чтобы более полно познать его смысл и значимость, и чтобы прийти к необходимым практическим выводам.

Церковь Иисуса Христа не может уклониться от такого исследования. С преданностью матери и мудростью наставницы она неустанно и со тщанием занимается поиском в обществе не только знаков разделения, но и не менее ярких и значимых знаков поиска примирения. Ибо она знает, что именно ей была особым образом дана способность и именно она была наделена миссией привести людей к познанию подлинного, глубоко религиозного смысла примирения во всей его полноте. В связи с этим она уже сейчас содействует прояснению основополагающих понятий единства и мира.

Мои предшественники постоянно проповедовали примирение и призывали к примирению все человечество и каждую часть человеческой общины, которую они видели уязвленной и разделенной (6). И я сам, следуя внутреннему побуждению, которое, как я уверенен, следовало как за вдохновением свыше, так и за мольбами человечества, решил особенно

подчеркнуть тему примирения, и сделать это двумя путями, каждый из которых был по своему серьезен и труден: во-первых, созвав Шестую Генеральную Ассамблею Синода епископов; во-вторых, поставив примирение в центра юбилейного года, посвященного празднованию 1950-й годовщины нашего Искупления (7). Определяя тему Синода, я полностью согласился с темой, предложенной многими моими братьями во епископстве, а именно с плодотворной темой примирения в тесной связи ее с темой покаяния (8).

Значение слова «покаяние» и самого этого понятия очень сложны. Если мы рассматриваем покаяние в связи с μετανοία, которое часто упоминается авторами синоптических Евангелий, то оно означает глубинное изменение сердца под действием слова Божьего и в перспективе Царства Божьего (9). Но покаяние также означает и изменение жизни человека, соответствующее изменению сердца, и в этом смысле осуществление покаяния завершается принесением достойного плода покаяния (10). Все бытие человека становится покаянным, то есть постоянно устремленным к лучшему. Но осуществления покаяния подлинно и действительно лишь если оно воплощается в делах и актах покаяния. В этом смысле покаяние, в христианском богословском и духовном языке, означает аскетизм, то есть конкретные и каждодневные усилия человека, укрепляемого Богом, направленные на то, чтобы потерять душу свою за Христа, поскольку это единственная возможность обрести ее (11), на то, чтобы отложить ветхого человека и облачиться в нового (12), на то, чтобы превзойти в себе плотское ради победы духовного (13); постоянная попытка взойти от дольного к горнему, туда, где Христос (14). Таким образом, покаяние – это обращение, идущее от сердца, наполняющее дела, а затем – всю жизнь христианина.

В каждом из этих смыслов покаяние тесно связано с примирением, ибо примирение с Богом, с собой и с другими подразумевает победу над тем радикальным разрывом, который суть грех. Она достижима лишь через внутреннее преобразование или обращение, приносящее плоды в жизни человека благодаря актам покаяния.

Основной документ Синода (называемый также Lineamenta), подготовленный с единственной целью представить его тему, подерживая некоторые ее основополагающие аспекты, позволил церковным общинам по всему миру почти два года размышлять об обращении и примирении – то есть о касающихся всех аспектах этой темы. Этот документ также пробудил в них новый порыв к христианской жизни и апостольству. Это размышление еще углубилось в ходе непосредственной подготовки к работе Синода, благодаря instrumentum laboris, направленному в свое время епископам и их сотрудникам. После этого отцы Синода, при помощи тех, кто был приглашен участвовать в его сессиях, провели целый месяц, усердно рассматривая саму предложенную тему и многочисленные связанные с ней вопросы. Подлинным сокровищем стали богатые и ценные результаты этих дискуссий, совместного изучения предложенной темы, а также проделанной участниками Синода тщательной и усердной работы, суть которых затем была обобщена в итоговых propositiones.

Синод не оставил без рассмотрения актов примирения (некоторые из которых происходят, практически не будучи замечаемы, в своей повседневности и обыкновенности), которые, хотя и на разных уровнях, помогают разрешать многие сложности, преодолевать многочисленные

конфликты и бороться с малыми и большими разделениями, восстанавливая единство. Но более всего Синод заботился о том, чтобы выявить в глубине этих отдельных актов их скрытый исток – так сказать, первоосновное примирение, происходящее в сердцах и умах людей.

Дар Церкви, равно как и ее уникальная природа в том, что касается примирения, заключаются в том, что она всегда возвращается к этому первоосновному примирению. Ибо в силу самой сущности ее миссии, Церковь осознает себя обязанной дойти до истоков этой первоосновной раны греха, чтобы принести исцеление и восстановление, – так сказать, столь же первоосновное примирение, которое станет действующим началом всякого истинного примирения. Именно такое примирение имеет в виду Церковь и именно его она предложила людям посредством Синода.

Священное Писание говорит нам об этом примирении, предлагая нам сделать все возможное, чтобы обрести его (15). Но Писание говорит и о том, что оно прежде всего – милостивый дар Бога человечеству (16). История спасения – история всего человечества, так же как и любого человека любого времени – это чудесная история примирения: примирения, которым Бог, как Отец, через кровь и Крест Своего Сына, ставшего Человеком, примиряет с Собой мир и, таким образом, дает бытие новой семье тех, кто был примирен.

Примирение становится необходимым, поскольку произошел разрыв греха, от которого берут начало все иные виды разделений внутри человека и вокруг него. Поэтому примирение, чтобы обрести полноту, с необходимостью требует освобождения от греха, от которого необходимо отказаться в самых глубочайших его корнях. Таким образом обращение и примирение внутренне тесно взаимосвязаны. Невозможно отделить их друг от друга или говорить об одном, ничего не говоря о другом.

В то же время синод говорил о примирении всей человеческой семьи и об обращении сердца каждого отдельного человека, о его возвращении к Богу. Он говорил об этом, поскольку желал признать и возвестить, что единства между людьми не может быть без внутренней перемены в каждом конкретном человеке. Личное обращение – это единственный путь к согласию между людьми (17). Когда Церковь возвещает благую весть о примирении или предлагает достичь его в таинствах, она исполняет подлинно пророческую роль, осуждая пороки человека в их первоисточнике, указывая на корни разделений и принося надежду на возможность преодоления трудностей и конфликтов и достижения братства, согласия и мира на всех уровнях и во всех частях человеческого общества. Она претворяет исторические условия ненависти и насилия в цивилизацию любви. Она предлагает всем евангельское и таинственное начало того первоосновного примирения, от которого берет начало всякий иной жест или акт примирения, в том числе и на общественном уровне.

Именно об этом примирении, результате обращения, идет речь в этом апостольском обращении. Ибо и в этот раз, как то было и в конце трех предшествующих ассамблей Синода, отцы, принимавшие в нем участие, представили итоги его работы епископу Рима, вселенскому пастырю Церкви и главе Коллегии епископов, возглавлявшему Синод. Я

посчитал важной и приятной обязанностью, лежащей на мне в силу моего служения, задачу подготовить на основе необыкновенно богатых результатов работы Синода и предложить Народу Божьему в качестве плода этой работы, пастырское обращение о покаянии и примирении. В первой части я буду говорить о Церкви, исполняющей свою миссию примирения и старающейся обратить сердца, чтобы обновить любовное единение между человеком и Богом, человеком и его братом, человеком и всем творением. Вторая часть укажет на коренную причину всех людских ран и разделений между людьми, и, прежде всего, между людьми и Богом – то есть на грех. После этого я укажу те средства, благодаря которым Церковь может содействовать полному примирению между людьми и Богом, и – в результате – между самими людьми, и побуждать к нему.

Документ, который я ныне вверяю сынам и дочерям Церкви, а также и всем, кто, будучи верующим или нет, с интересом и искренностью взирает на Церковь, призван подобающе ответить на предложенную мне Синодом просьбу. Но он также является – что я с любовью говорю, поскольку этого требуют истина и справедливость – и творением самого Синода. Ибо содержание этих страниц родилось в результате Синода: в ходе его предварительной и непосредственной подготовки, из *instrumentum laboris*, из выступлений в Зале Синода и в *circuli minores*, и особенно из шестидесяти трех *propositiones*. В нем представлен итог совместной работы отцов, в числе которых были представители Восточных Церквей, богословское, духовное и литургическое наследие которых столь богато и почитаемо, в том числе и в том, что касается интересующего нас сегодня вопроса. Кроме того, Совет Секретариата Синода, во время двух своих важных сессий, оценил итоги работы и указания синодальной ассамблеи сразу после ее завершения, подчеркнул жизненность упомянутых выше *propositiones*, и обратив внимание на те их строки, которые посчитал наиболее существенными для подготовки настоящего документа. Я благодарен всем, кто проделал эту работу, и, в верности моему служению, я хочу передать здесь те части богатого вероучительного и пастырского наследия Синода, которые кажутся мне важными и полезными для жизни людей в этот замечательный, но трудный момент истории.

Следует сделать это – и это имеет большое значение – пока еще свежа в умах людей память о Святом Годе, прожитом в духе покаяния, обращения и примирения. Путь это обращение, вручаемое моим собратьям во епископстве и их сотрудникам, священникам и диаконам, монашествующим мужчинам и женщинам, и всем мужчинам и женщинам с искренней совестью, станет средством очищения, углубления и обогащения личной веры. Пусть оно также станет закваской, способной побудить к возрастанию в мире мира и братства, надежды и радости – тех ценностей, которые приносятся Евангелием, если его принимают, размышляют о нем и живут согласно ему день за днем по примеру Марии, Матери Господа Нашего Иисуса Христа, в Котором Богу было благоугодно примирить все с Собой (18).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБРАЩЕНИЕ И ПРИМИРЕНИЕ: ЗАДАЧА И ДЕЛО ЦЕРКВИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИТЧА О ПРИМИРЕНИИ

5. Начиная это апостольское обращение, я вспоминаю необыкновенный текст из Евангелия от Луки, глубоко религиозную и одновременно человеческую сущность которого я уже пытался показать в предыдущем документе (19). Я имею в виду притчу о блудном сыне (20).

От брата, который был потерян...

«У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: ‘Отче! дай мне следующую мне часть имения’», говорит Иисус, начиная рассказывать драматичную историю этого молодого человека: безрассудное оставление дома отца, растрата всего своего состояния на распущенную и пустую жизнь, темные дни нужды и голода, и еще более – утраченного достоинства, унижения и позора, затем – тоска по родному дому, дерзновение вернуться, радушный прием отца. Отец, конечно же, не забыл своего сына, его привязанность и уважение к нему воистину пребывали неизменными. Поэтому он все время ждал его, и теперь он заключает его в объятия и приказывает устроить большое пиршество, чтобы отпраздновать возвращение того, кто «был мертв, и ожил; пропадал, и нашелся».

Таким блудным сыном является каждый человек: плененный искушением отделиться от своего Отца, чтобы вести собственное независимое существование; разочарованный пустотой очаровывавшего его миража; одинокий, опозоренный, используемый, когда пытается построить мир только для себя, и среди своих невзгод терзаемый желанием возвратиться к общению с Отцом. Подобно отцу из притчи Бог выходит навстречу возвращающемуся чаду, обнимает его, когда оно приходит и повелевает устроить пир в честь этой новой встречи, чтобы отпраздновать примирение.

Наиболее поразительно в этой притче радостное и любящее принятие возвращающегося сына отцом: это знак милости Бога, который всегда желает простить. Скажем прямо: примирение это прежде всего дар небесного Отца.

...К брату, оставшемуся дома

6. Но притча описывает также и старшего брата, отказавшегося участвовать в пиршестве. Он упрекает своего младшего брата за его беспутные скитания, и своего отца – за радушный прием, оказанный блудному сыну, в то время как ему самому – умеренному и трудолюбивому человеку, верному своему отцу и своему дому – никогда, как он утверждает, не было позволено попить со своими друзьями. Это означает, что он не понимает благости отца. В той степени, в которой этот брат, слишком уверенный в себе и в своих хороших качествах,

ревнивый и надменный, полный горечи и гнева, остается необращенным и не примиренным со своим отцом и братом, пиршество еще не в полноте является празднование воссоединения и нового обретения друг друга.

Каждый человек является таким старшим братом. Эгоизм делает его ревнивым, ожесточает его сердце, ослепляет его и отталкивает его от других людей и от Бога. Любовная доброта и милость отца раздражает и гневает его; для него счастье вновь обретенного брата отдает горечью (21). С этой точки зрения он тоже нуждается в обращении, чтобы обрести примирение.

Притча о блудном сыне – это прежде всего история невыразимой любви Бога Отца, который предлагает своему сыну, когда тот возвращается, дар полного примирения. Но напоминая, образом старшего сына, об эгоизме, разделяющем братьев, притча становится также и историей всей человеческой семьи. Она описывает ситуацию, в которой мы находимся, и указывает путь, по которому надо следовать. Блудный сын, страстно желающий обратиться, вернуться во власть своего отца и быть прощенным, изображает тех, кто знает о существующем в глубине их сердец стремлении к бесграничному примирению на всех уровнях, и понимает с внутренней уверенностью, что это примирение возможно лишь тогда, когда оно берет начало в самом важном и основополагающем примирении – в примирении, которое возвращает личность, отдалившуюся и отделившуюся от Бога, бесконечное милосердие Которого столь хорошо известно, к сыновней дружбе с Ним. Но если притчу читать, ставя в центр другого сына, она отражает ситуацию, в которой находится человечество, разделенное разными формами эгоизма. Она проливает свет на затруднения, с которыми сталкиваются попытки устремиться к примирению и объединению человеческой семьи. Таким образом, она напоминает нам о необходимости глубокого преобразования сердца, происходящего благодаря новому осознанию милости Отца и благодаря победе над непониманием и враждебностью между братьями и сестрами.

Рассматривая эту обладающую неисчерпаемым смыслом притчу о милости, изглаживающей грех, Церковь продолжает утверждать, что она описывает и охватывает ее собственную миссию – трудиться, подражая Господу, ради столь тесно связанных между собой обращения сердец и примирения людей с Богом и друг с другом.

ГЛАВА ВТОРАЯ У ИСТОКОВ ПРИМИРЕНИЯ

В свете Христа – Примирителя

7. Из притчи о блудном сыне мы делаем вывод, что примирение – это Божий дар, инициатива в отношении которого принадлежит Ему. Но наша вера учит нас, что эта божественная инициатива обретает полноту в тайне Христа Искупителя, примиряющего людей и освобождающего их от греха во всех его видах. Св. Павел, не колеблясь, подобными словами выражает суть задачи и цели несравненной миссии Иисуса из Назарета, Божьего Слова и Сына, ставшего Человеком.

Мы тоже можем начать наше рассмотрение с этой занимающей центральное место тайны домостроительства спасению, являющейся ключом к христологии Св. Павла. «Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его», - пишет Св. Павел, - «то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его. И не довольны сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение» (22). Поэтому, раз «Бог во Христе примирил с Собою мир», Павел со вдохновением увещевает христиан Коринфа: «Примиритесь с Богом» (23).

О служении примирения посредством смерти на Кресте другими словами говорит Евангелист Иоанн, когда отмечает, что Христос должен был умереть «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино» (24).

Но именно Св. Павел еще раз позволяет нам полнее увидеть дело Христа в его вселенском измерении, когда пишет, что во Христе Отец примирил с Собою все творение, земное и небесное (25). Воистину о Христе Искупителе можно сказать, что «во время гнева Он был умилованием» (26) и что поскольку Он – «мир наш» (27), то Он – и наше примирение.

Вполне уместно его страдания и смерть, таинственно обновляемые в совершении Евхаристии, называются в литургии «жертвой примирения» (28): примирения с Богом и с братьями, ведь Иисус учит нас, что прежде предложения жертвы должно произойти это братское примирение (29).

Начиная рассмотрение с этих и других важных текстов Нового Завета, мы можем вполне оправданно соотнести все наши размышления о миссии Христа в целом с размышлением о миссии Его как Того, кто совершает примирение. Таким образом, должно еще раз провозгласить веру Церкви в искупительное деяние Христа, в пасхальную тайну Его смерти и воскресения, ставшую началом двоякого примирения человека – в отношении освобождения его от греха и в отношении его благодатного общения с Богом.

Именно созерцая прискорбные разделения и трудности на пути примирения между людьми я приглашаю всех обратить свой взор к *mysterium crucis*, тайне Креста, как к высочайшей драме, в которой Христос воспринимает и переживает в высшей возможной степени трагедию отделения человека от Бога, так что даже восклицает словами Псалмопевца: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (30), совершая в то же самое время наше примирение. Тайна Голгофы, если мы обратим на нее свой взор, всегда будет напоминать нам об этом «вертикальном» измерении разделения и примирения в том, что касается отношений между человеком и Богом, измерении, которое в глазах веры всегда значимее «горизонтального» измерения, то есть, разделения между людьми и потребности в примирении между ними. Ибо мы знаем, что примирение между людьми является и может быть лишь результатом искупительного деяния Христа, умершего и воскресшего, чтобы победить царство греха и восстановить завет с Богом, разрушая таким образом стену разделения, которую грех воздвиг между людьми.

Церковь примиряющая

8. Но, как писал Папа Св. Лев, говоря о страстях Христовых, «Все то, что Сын Божий делал и чему он учил ради примирения мира, мы узнаем не только из истории его прошлых деяний, но и видим в действительности того, что Он совершает ныне» (32). Мы видим примирение, которое он осуществляет в Своем Человечестве, в действенной силе святых таинств, совершаемых Его Церковью, за которую Он отдал Свою жизнь и которую Он основал как знамение и средство спасения.

Об этом говорит Св. Павел, когда пишет, что Бог дал апостолам Христовым соучаствовать в Его служении примирения. Он пишет о том, что «от Бога... давшего нам служение примирения... и ... слово примирения» (33).

Рукам и устам апостолов, Своих посланников, Отец милостиво вверил служение примирения, которое они выполняют в силу власти действовать “in persona Christi”. Но послание примирения – то есть задач делать все возможное, чтобы свидетельствовать о примирении и осуществлять его в мире – было также вверено и всей общине верующих, всему зданию Церкви.

Можно сказать, что и Второй Ватиканский Собор, определяя Церковь как «таинство – то есть знамение и орудие – глубокого единения с Богом и единства всего человеческого рода», и указывая что назначением Церкви состоит в том, чтобы обрести «полное единение во Христе» могли «все люди, теснее объединенные ныне различными социальными, техническими и культурными узами» (34), признавал, что Церковь более всех должна стремиться привести всех людей к полноте примирения.

Итак, можно в тесной связи с миссией Христа изложить и суть сложной и богатой содержанием миссии Церкви, центральной задачей в которой является примирение людей: с Богом, с самими собой, с ближними, со всем творением; и это остается неизменным, как я отметил по другому поводу: «Церковь по своей природе всегда осуществляет примирение» (35).

Церковь осуществляет примирение в той степени, в которой она провозглашает весть о примирении, как она всегда делала на протяжении своей истории, от апостольского Собора в Иерусалиме (36) до последнего Синода и недавнего юбилея искупления. Своеобразие этого провозглашения заключается в том, что для Церкви примирение тесно связано с обращением сердца, являющимся единственным путем к взаимопониманию между людьми.

Церковь всегда осуществляет примирение, поскольку она указывает человеку путь к этому четырехчастному примирению и средства его достижения. Этот путь состоит в обращении сердца и в победе над грехом, состоит ли он в несправедливости или в эгоизме, в высокомерии или в эксплуатации других людей, в привязанности к материальным благам или в необузданном поиске удовольствий. Эти средства заключаются в верном и любовном внимании к слову Божьему; в личной и общинной молитве; и особенно в таинствах,

истинных знамениях и орудиях примирения, среди которых, в том, что касается рассматриваемого аспекта, особенно выделяется таинство, по праву называемое обычно таинством примирения или покаяния, к которому мы вернемся позже.

Примиренная Церковь

9. Мой досточтимый предшественник Павел VI правомерно подчеркивал, что Церковь, дабы евангелизировать, должна начать с демонстрации того, что она сама евангелизирована, то есть открыта для полного и совершенного провозглашения благой вести Иисуса Христа, готова внимать ей и воплощает ее на практике (37). Подобным образом и я, обобщая в одном документе размышления четвертой генеральной ассамблеи Синода, говорил, что Церковь катехизирована в той степени, в которой она следует катехизису (38).

Теперь я не колеблюсь продолжу эту параллель в отношении рассматриваемой мною ныне темы, утверждая, что Церковь, чтобы быть примиряющей, должна прежде сама быть примиренной Церковью. За этим простым и ясным утверждением стоит убеждение в том, что Церковь, чтобы все более действенно содействовать примирению и провозглашать его миру, должна все более становиться воистину общиной учеников Христа (даже если бы она была лишь «малым стадом» первых дней христианства), в единении стремящейся постоянно оставаться обращенной к Господу и жить как новый народ в духе примирения и следуя ему.

Церковь призвана дать людям нашего времени, столь чутким к конкретному свидетельству жизнью, пример примирения прежде всего внутри себя самой. И ради этого мы все должны трудиться, принося мир в умы людей, сглаживая проблемы, преодолевая разделения и исцеляя раны, которые брат мог нанести брату, когда особенно острым становилось различие мнений и выборов в вопросах, о которых можно спорить; с другой стороны, мы должны стараться сохранять единство в том, что существенно для христианской веры и жизни, в согласии с древней максимой: в спорном – свобода, в главном – единство, и во всем – любовь.

Следуя именно такому ориентиру, Церковь должна осуществлять и свою экуменическую деятельность. Ибо она знает, что, чтобы быть всецело примиренной, она должна продолжать стремиться к единству среди тех, кто благородно именуется христианами, входя в Церкви или общины, отделенные друг от друга и от Римской Церкви. Последняя ищет единства которое, может быть результатом и выражением подлинного примирения, только когда основывается не на сокрытии того, что разделяет, и не на легко достижимых, но искусственных и столь же легко разрушающихся, компромиссах. Единство должно быть плодом подлинного обращения каждого, результатом взаимного прощения, богословского диалога и братских отношений, молитвы и всецелой восприимчивости к действию Духа Святого, являющегося также и Духом Примирения.

Наконец, чтобы Церковь осозначет, что чтобы она могла сказать, что она является всецело

примиренной, она должна все сильнее стремиться к тому, чтобы, содействуя «диалогу спасения» (39), принести Евангелие тем большим частям нынешнего человечества, которые не разделяют ее веры, и более того – в результате все растущей секуляризации держатся вдали от нее и противопоставляют ей холодное безразличие, даже тогда, когда не препятствуют ей прямо и не преследуют ее. Церковь осознает свой долг еще раз обратиться к каждому слова Св. Павла: «Примиритесь с Богом» (40).

Во всяком случае, Церковь содействует примирению в истине, хорошо зная, что ни единство, ни примирение не возможны вне истины или в противостоянии ей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНИЦИАТИВА БОГА И СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ

10. Церковь, будучи примиренной и примиряющей общиной, не может забывать, что у истоков принятых ею дара и миссии примирения, стоит полная сострадательной любви и милосердия инициатива Бога, Который есть Любовь (41), и Который из любви сотворил людей (42), сотворил такими, чтобы они могли жить в дружбе с Ним и в общении между собой.

Примирение приходит от Бога

Бог остается верен своему вечному замыслу, даже когда человек, искушаемый диаволом и увлекаемый собственной гордыней, злоупотребляет свободой, дарованной ему, дабы он любил благое и охотно к нему устремлялся, и отказывается повиноваться своему Богу и Отцу. Бог остается верен ему, даже когда человек, вместо того, чтобы ответить любовью на любовь Бога, противится Ему и поступает с ним, как с соперником, обманываясь и полагаясь на свои собственные силы, в результате чего разрушаются его отношения со своим Создателем. Вопреки этим прегрешениям со стороны человека, Бог остается верным в любви. Несомненно, история Эдемского Сада побуждает нас размышлять о трагических последствиях отвержения Отца, которые становятся очевидны во внутреннем разладе человека и в нарушении согласия между мужчиной и женщиной, братом и братом (44). Также выразительна и евангельская притча о двух братьях, которые различным образом отделились от своего отца и между которыми возникло отчуждение. Отказ от Божьей отцовской любви и от Его исполненных любви даров всегда оказывается у истоков разделений человечества.

Но мы знаем, что Бог, «богатый милосердием» (45), подобно отцу из притчи, не закрывает свое сердце от кого-либо из Своих детей. Он ожидает их, ищет их, выходит им навстречу туда, где отказ от общения удерживает их в изоляции и разделении. Он призывает их собраться к Его столу, чтобы в радости праздновать прощение и примирение.

Эта инициатива со стороны Бога становится конкретной и проявляется в искупительном деянии Христа, распространяющемся по миру посредством служения Его Церкви.

Ибо, в соответствии с нашей верой, Слово Божье стало плотью и пришло, чтобы обитать в

мире; Слово входит в историю мира, подводя ее итог и являя его в Себе (46). Господь открывает нам, что Бог есть любовь, и дает нам новую заповедь любви (47), в то же время сообщая нам уверенность в том, что путь любви открыт для всех людей, и потому попытки установить всеобщее братство не напрасны (48). Победив своей смертью на Кресте зло и силы греха, благодаря Своему исполненному любви послушанию, Он принес спасение всем и стал примирением для всех. В Нем Бог примирил с Собой человека.

Церковь продолжает возвещать примирение, о котором благодаря Христу заговорили в деревнях Галилеи и всей Палестины (49), и не перестает приглашать все человечество обратиться и уверовать в благую весть. Она говорит от имени Христа, усваивая себе призыв Св. Павла, о котором мы уже вспоминали: «Мы – посланники от имени Христова и как бы сам Бог увещавает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (50).

Принимающие этот призыв вступают в домостроительство примирения и опыта встречи с истиной, описанной в другом утверждении Св. Павла о том, что Христос – «мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду..., устроая мир», и что Он смог «примирить обоих с Богом» (51). Этот текст прямо касается преодоления религиозных разделений между Израилем – как избранным народом Ветхого Завета – и другими народами, которые вместе с ним все призваны стать частью Нового Завета. Несмотря на их существование, он говорит о новой духовной всеобщности, которой пожелал Бог и которая была им осуществлена посредством жертвы Его Сына, Слова, ставшего Человеком, без каких-либо пределов и исключений, для всех, кто обратился и верует во Христа. Таким образом, мы все – каждый человек и каждый народ – призваны вкусить от плодов этого примирения, которого восхотел Бог.

Церковь, великой таинство примирения

11. Церковь наделена миссией возвещать это примирение, будучи его таинством в мире. Церковь – это таинство, то есть знамение и средство примирения, действующее разными путями, ценность которых различна, но которые все соединяются ради обретения того, что Бог по своей милостивой инициативе, возжелал даровать человечеству.

В первую очередь Церковь является таким таинством благодаря самому своему существованию как примиренной общины, свидетельствующей о деле Христа и представляющей его в мире.

Она также является таинством благодаря своему служению в качестве хранильницы и толковательницы Священного Писания, которое является благой вестью о примирении, поскольку повествует поколению за поколением об исполненном любви Божьем замысле и показывает каждому поколению пути всеобщего примирения во Христе.

Наконец, она является таинством благодаря тем семи Таинствам, которые, каждое своим путем, «образуют Церковь» (52). Ибо все Таинства, служа воспоминанием о пасхальной тайне Христа и возобновляя ее, являются для Церкви источником жизни, и служат в руках

Церкви средствами обращения к Богу и примирения между людьми.

Другие средства примирения

12. Миссия примирения свойственна всей Церкви, в том числе и прежде всего – той Церкви, которая уже была допущена к полному участию в божественной славе с Девой Марией, ангелами и святыми, к Церкви, созерцающей Трисвятого Бога и поклоняющейся Ему. Церковь Небесная, Церковь земная и Церковь, пребывающая в чистилище таинственно едины, соработая Христу, примиряющему мир с Богом.

Первым орудием этого спасительного делания является молитва. Несомненно, что Пресвятая Дева, Матерь Христова и Матерь Церкви (53), и святые, достигшие уже конца своего земного странствия и наделенные славой Божьей, своим ходатайством поддерживают своих братьев, совершающих странствие в мире, в их стремлении к обращению, к вере, к восстанию после каждого падения, к тому, чтобы действовать, помогая возрастанию в Церкви и во всем мире общения и мира. В таинственном общении святых всеобщее примирение осуществляется наиболее глубоким и наиболее действенным в том, что касается спасения всех, образом.

Существует и иное средство: проповедь. Церковь, будучи ученицей единого Наставника – Иисуса Христа, в свою очередь действует как мать и наставница, и неустанно побуждает людей к примирению. Она не колеблясь осуждает зло греха, провозглашает необходимость обращения, приглашает и просит людей «дать себя примирить». Это, в действительности, и есть ее пророческая миссия в современном мире, остающаяся той же, что и в мире прежнем. Эта та же миссия, что и миссия Наставника и Главы Церкви, – Иисуса. Подобно Ему, Церковь всегда будет осуществлять эту миссию с чувством милосердной любви и будет нести всем людям те слова прощения и то приглашение к надежде, что берут начало у Креста.

Существует также ответственное и часто столь трудноосуществимое средство пастырской деятельности, направленной на то, чтобы возвратить каждого человека – где бы и кто бы он ни был – на путь, иногда долгий, ведущий к Отцу и общению со всеми братьями.

Наконец, существует такое средства, как свидетельство, почти всегда – молчаливое. Оно порождается тем, что Церковь осознает две истины: то, то она «неизменно свята» (54), но также и то, что ей необходимо идти вперед, чтобы она «день ото дня очищалась и обновлялась, пока Христос не представит ее Себе славной, не имеющей ни пятна, ни порока», ведь, из-за грехов ее членов «лик Церкви не столь ясно сияет» перед очам те, кто на нее взирает (55). Это свидетельство не может не отражать двух основополагающих аспектов. Первый заключается в том, что Церковь является знаменем той всеобщей любви, которую Иисус Христос оставил в наследие Своим последователям, и которая подтверждает их принадлежность к Его Царству. Второй состоит в явлении все новых примеров обращения и примирения, как внутри Церкви, так и вне нее, - в преодолении конфликтов, во взаимном прощении, в возрастании в духе братства и мира, который должен распространиться по всему миру. Следуя этому, Церковь сможет действительно трудиться ради построения цивилизации, которую мой предшественник Папа Павел VI назвал «цивилизацией любви».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ СИЛЬНЕЕ ГРЕХА

Трагедия человека

13. Говоря словами Св. Апостола Иоанна: «Если говорим, что не имеем греха, - обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (56). Написанные на заре истории Церкви, эти богодухновенные слова, лучше чем какие-либо иные людские выражения, вводят нас в тему греха, которая тесно связана с темой примирения. Эти слова говорят о проблеме греха в его человеческом измерении: о грехе, как о неотъемлемой части правды о человеке. Но они сразу же связывают человеческое измерение с божественным, в котором грех побежден истиной божественной любви, справедливой, щедрой и верно, и являющей себя прежде всего в прощении и искуплении. Поэтому несколько дальше Св. Иоанн говорит: «В чем бы ни осуждало нас сердце наше;... Бог больше сердца нашего» (57) [1].

Признание своего греха, и, что еще важнее – после более глубокого рассмотрения собственной личности – признание себя грешником, способным и склонным грешить, является первым основополагающим шагом на пути возвращения к Богу. К примеру, таков был опыт Давида, который «сделав зло в очах Господа» и обвиняемый пророком Нафаном (58), восклицает: «Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал» (59). Подобным образом, Сам Иисус вкладывает следующие знаменательные слова в уста и в сердце блудного сына: «Отче! я согршеил против неба и пред тобо» (60).

В сущности, примирение с Богом предполагает и включает в себя сознательное и решительное удаление от того греха, в который человек впал. Посему, оно предполагает и включает в себя совершение покаяния в самом полном смысле этого слова: раскаяние, проявление этого раскаяния, следование путем раскаяния – путем личности, отправляющейся по дороге возвращения к Отцу. Это общий закон, которому каждый человек должен следовать в своей конкретной ситуации. Ибо невозможно говорить о грехе и обращении лишь абстрактными словами.

В конкретной ситуации грешного человека, в которой не может быть обращения без признания своего греха, служение примирения, исполняемое Церковью, призвано привести каждого к искреннему покаянию, т.е. к «познанию себя», если говорить словами св. Екатерины Сиенской (61) – к отвержению зла, к восстановлению дружбы с Богом, к внутреннему порядку и к обновленному церковному обращению. Конечно же, весть о покаянии и служение покаяния обращается ко всем мужчинам и женщинам, даже вне пределов Церкви и общины верующих, поскольку все нуждаются в обращении и примирении (62).

Чтобы должным образом исполнить это покаянное служение, мы должны оценивать

последствия греха «просвещенными очами» (63) веры. Эти последствия греха становятся причинами разделения и разрыва не только внутри каждой личности, но также и в различных областях ее жизни: в том, что касается семьи, профессионального и социального окружения. Часто можно видеть примеры этого, и это подтверждается библейским текстом о городе Вавилоне и Вавилонской башне (64). Намереваясь создать постройку, которая должна была быть символом и источником единения, эти люди оказались более разделенными, чем прежде, – разделенными в речи, разделившимися между собой, неспособными достичь единодушия и согласия.

Почему этот честолюбивый замысел не удался? Почему «напрасно трудились строители»? (65). Они не достигли цели, потому что сделали знаком и опорой того единения, к которому стремились, лишь дело своих собственных рук и забыли о действии Господнем. Они уделили внимание лишь горизонтальному измерению труда и общественной жизни, забывая о вертикальном измерении, благодаря которому они были бы укоренены в Боге, своем Творце и Господе, и направились бы к высшей цели своего развития.

Можно теперь сказать, что трагедия сегодняшнего человечества, как это было и в любом другом историческом периоде, состоит именно в том, что напоминает эту библейскую ситуацию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАЙНА ГРЕХА

14. Если мы прочтем библейский текст о Вавилоне и Вавилонской башне в новом свете, который предлагает нам Евангелие и сравним его с другим текстом – о падении наших прародителей – мы можем извлечь из него нечто важное для понимания тайны греха. Это выражение, которое вторит словам Св. Павла о тайне беззакония (66), помогает нам осознать нечто неясное и неуловимое, таящееся в грехе. Ясно, что грех есть плод человеческой свободы. Однако глубоко внутри его человеческого измерения действуют факторы, которые ставят его вне чисто человеческого, в той пограничной области, где совесть, воля и чувствительность человека встречаются с темными силами, которые, согласно св. Павлу, действуют в мире, почти что правя им (67).

Непослушание Богу

Первое положение, помогающее нам понять грех, основывается на библейском повествовании о постройке вавилонской башни. Люди стремятся выстроить город, организовать в общество и достичь силы и власти без Бога, если не вопреки Ему (68). В этом смысле история о первом грехе, совершенном в Эдеме, и история о Вавилоне, несмотря на заметные различия в их содержании и форме, сходятся в одном: в обоих наличествует исключение Бога – в прямом противостоянии одной из Его заповедей, в акте состязания с Ним, в ошибочном притязании на то, чтобы быть «подобным Ему» (69). В истории о Вавилоне исключение Бога присутствует не столько в виде противостояния Ему, сколько в виде забвения о Нем и безразличия к Нему, как если бы Бог не имел отношения к области совместных начинаний

людей. Но в обоих случаях отношения с Богом отягощены насилием. В случае в Эдеме со всей серьезностью и драматичностью становится очевидно то, что является наиглубочайшей и темной сущностью греха: непослушание Богу, Его закону, нравственным нормам, которые Он дал человеку, запечатлев их в его сердце, утверждая и усовершеншая их посредством Откровения.

Исключение Бога, разрыв с Богом, непослушание Богу: всем этим в течение истории человечества был и поныне остается грех в его различных формах. Он может дойти даже до отрицания Бога и Его существования – это феномен, называемый атеизмом.

Это непослушание личности, которая, свободным актом не принимает власть Бога над своей жизнью, по крайней мере в тот конкретный момент времени, когда она нарушает Его закон.

Разделение между братьями

15. В упомянутых выше библейских повествованиях разрыв человека с Богом трагическим образом ведет к разделению между братьями.

В описании «первородного греха» разрыв с Яхве одновременно разрушает узы дружбы, соединявшие человеческую семью. Последующие страницы книги Бытия являют нам мужчину и женщину, обвиняюще указывающих друг на друга (70). Позднее мы видим брата, ненавидящего брата и, в конце концов, отнимающего у него жизнь (71).

Как указывает история о Вавилоне, результатом греха становится распадение человечества, уже начавшееся с первородного греха, а теперь достигающее своего пика на социальном уровне.

Никто, желая исследовать тайну греха, не может оставить без внимания эту связь между причиной и следствием. Будучи разрывом с Богом, грех является актом непослушания твари, которая отказывается, хотя бы неявно, от Того, от Кого она пришла и Кто поддерживает ее жизнь. Поэтому это самоубийственное деяние. Поскольку человек, совершающий грех, отказывается подчиниться Богу, его внутреннее равновесие также нарушается и в нем самом появляются противоречия и конфликты. Страдающий от них человек почти неминуемо причинит вред своим отношениям с другими людьми и с сотворенным миром. Таков объективный закон и такова объективная реальность, столь многообразно подтверждаемые тем, что происходит в человеческой душе и духовной жизни, равно как и в обществе, в котором нетрудно увидеть разные признаки и следствия внутреннего разлада.

Тайна греха заключается в этой двоякой ране, которую грешник наносит себе и своим отношениям с ближними. Поэтому можно говорить о личном и об общественном грехе. С одной стороны, каждый грех является личным; с другой стороны, каждый грех является общественным поскольку он имеет общественные последствия и в той мере, в которой он их порождает.

Личный грех и общественный грех

16. Грех, в собственном смысле слова, всегда является личным актом, поскольку является актом свободы со стороны отдельной личности, а не сообщества или общности. Действия этого индивидуума могут быть обусловлены, спровоцированы или совершены под влиянием множества мощных внешних факторов. Он может также находиться во власти склонностей, недостатков и привычек, связанных с состоянием его личности. В немалом числе случаев такие внешние и внутренние факторы могут в большей или меньшей степени уменьшить степень его свободы, а значит – и его ответственности и вины. Но истина веры, подтверждаемая также нашим опытом и разумом, состоит в том, что человеческая личность свободна. Эту истину нельзя оставлять без внимания, вина в грехах людей общественные структуры, системы или других людей. Это означало бы, прежде всего, отрицание достоинства человеческой личности и ее свободы, которые – хотя и отрицательным и плачевным образом – проявляются в ее ответственности за совершенный грех. Итак нет ничего иного, что было бы столь личным и что было бы столь невозможно передать другому человеку, как заслуга, принесенная добродетелью, или ответственность за грех.

Будучи личным актом, грех порождает свои первые и самые важные следствия в самом грешнике, а именно в его отношениях с Богом, являющимся первоосновой человеческой жизни, а также в его духовной жизни – что проявляется в ослаблении его воле и в помрачении его интеллекта.

Здесь следует задаться вопросом, что имели в виду те, кто во время подготовки к Синоду и в течение его работы часто говорил об общественном грехе.

Это выражение и и кроющаяся за ним идея в действительности имеют разные значения.

Говорить об общественном грехе значит, в первую очередь, признавать, что в силу таинственной и непостижимой, но вместе с тем реально существующей и конкретной человеческой солиданости, грех каждого отдельного человека некоторым образом влияет на других людей. Такова другая сторона той солидарности, которая на религиозном уровне становится глубокой и поразительной тайной общения святых, благодаря которой возможно говорить, что «каждая душа, возвыщающая себя, возвышает весь мир». Помимо этого закона восхождения существует, к несчастью и закон падения. Вследствие этого возможно говорить об общении греха, в котором душа, падающая посредством греза, увлекает вместе с собой в свое падение Церковь и, некоторым образом, весь мир. Иными словами, не существует такого греха, сколь бы глубоким, тайным и исключительно личным он ни был, который затрагивает лишь того, кто его совершает. С большей или меньшей силой, принося больший или меньший вред – каждый грех отражается на всем теле Церкви и на всем человечестве. В этом, первом, смысле, каждый грех, несомненно, может рассматриваться как общественный.

Некоторые грехи, однако, таковы, что сама их материя – это непосредственные действия против ближнего, точнее говоря, если пользоваться языком Евангелия, против брата или сестры. Они являются преступлениями против Бога, поскольку являются преступлениями

против ближнего. Эти грехи обычно называют общественными, и это – второе значение этого выражения. В это смысле общественным называется грех против любви к ближнему, рассматриваемый в законе Христове как тем более тяжкий, поскольку включает нарушение второй Заповеди, которая «подобна первой» (72). Схожим образом «общественным» именуется всякий грех против справедливости в межличностных отношениях, совершен ли он отдельным человеком и направлен против общины, или совершен общиной в отношении отдельного человека. Общественным является и любой грех против прав человеческой личности, начиная с права на жизнь, включая и жизнь нерожденного ребенка, или же против телесной целостности личности. Подобно этому, к общественным относится и каждый грех против свободы другого человека, особенно против высшей свободы – верить в Бога и поклоняться ему. Общественные грехи – это и грехи против достоинства и доброго имени ближнего. Также общественным является всякий грех, направленный против общего блага и того, что оно требует в отношении всего широкого спектра прав и обязанностей граждан. Можно применить это наименование и в отношении грехов делом или недеянием со стороны политических, экономических и профсоюзных руководителей, которые не трудятся мудро и прилежно, хотя и могут это делать, ради улучшения и преобразования общества в соответствии с требованиями и возможностями данного исторического момента; равно как и со стороны рабочих, которые, устранившись от участия или отказываясь от сотрудничества в том, благодаря чему их отрасль промышленности могла бы продолжать улучшать благосостояние их самих, их семей и всего общества.

Третье значение выражения «общественный грех» касается отношений между различными общинами людей. Эти отношения не всегда согласны с Божьим замыслом, согласно которому должна царить справедливость в мире, свобода и мир – среди отдельных людей, их сообществ и народов. Таким образом, классовая борьба, кем бы ни был тот, кто ведет ее, и какое бы теоретическое оправдание под нее не подводили, является социальным злом. Подобно этому, настойчивая борьба между объединениями государств, между отдельными государствами, различными сообществами внутри государства – также является социальным злом. В обоих случаях можно спросить, возможно ли приписать отдельной личности нравственную ответственность за это зло, а значит – за грех. В настоящее время следует допустить, что реалии и ситуации, подобные описанным, когда они распространяются и достигают уровня масштабных социальных феноменов, почти всегда становятся анонимными, а их причины являются сложными и не всегда поддаются определению. Однако выражение «общественный грех» в этом случае, очевидно, используется по аналогии. Однако, то, что даже по аналогии говорится об общественном грехе, не должно приводить нас к недооценке ответственности отдельных его участников. Это выражение призвано обращать к совести всех, чтобы каждый мог мужественно принять на себя серьезную ответственность за то, чтобы изменить эти плачевные условия и недопустимые ситуации.

Ясно и недвусмысленно сказав об этом, следует при этом добавить, что существует еще одно значение, придаваемое словам «общественный грех», которое неправомерно и неприемлемо, даже если сегодня и используется очень широко в определенных кругах (74). Используемое в этом смысле, это выражение противопоставляет не без неопределенности общественный и личный грех таким образом, что это в большей или меньшей степени, пусть даже на

подсознательном уровне, ведет к умалению роли личного греха или к ее отрицанию, когда признается лишь общественная вина и общественная ответственность. Если следовать этому словоупотреблению – которое, как легко убедиться, коренится в нехристианских идеологиях и системах, от которых сегодня, возможно, отказались даже те, кто прежде официально их придерживался – то практический каждый грех является общественным, в том смысле, что вина за него должна возлагаться не столько на нравственное сознание отдельного человека, сколько на некоторую неопределенную сущность или на анонимное сообщество – как то на ситуацию, на систему, на общество, его структуры или институты.

Всякий раз, когда Церковь говорит о «ситуациях греха» или когда она осуждает как общественный грех определенные ситуации или коллективное поведение каких-либо социальных групп, малых или больших, и даже целых стран и объединений стран, она знает, и она провозглашает, что подобные общественные грехи являются результатом накапливающихся и собирающихся воедино личных грехов. Прежде всего к ним относятся грехи тех, кто служит причиной зла, поддерживает его и пользуется им; тех, кто имеет возможность избежать определенного социального зла, устранить его или, по крайней мере, ограничить его проявления, но не делает этого из лени, страха или ради сохранения тайны, скрыто соучаствуя в происходящем или безразлично к нему относясь; тех, кто оправдывается предполагаемой невозможностью изменить мир и тех, кто уклоняется от необходимых действий и жертв, ссылаясь на причины высшего порядка. Подинная ответственность, таким образом, лежит на отдельных людях.

Ситуация, так же как и какие-либо институты, общественные структуры и само общество – как таковые не являются субъектами нравственных актов. Поэтому ситуация сама по себе не может быть хорошей или дурной.

В сердце каждой ситуации греха всегда находятся грешные люди. Поэтому верно, что даже когда подобные ситуации могут быть изменены на уровне структур или институтов силой закона или – что, к несчастью, происходит чаще, при помощи закона силы, эти изменения в действительности окажутся незавершенными, или кратковременными и вследствие этого бесполезными и безрезультатными – если не вредными по последствиям – если не обратятся люди, прямо или косвенно за эти ситуации ответственные.

Смертные и протительные грехи

17. Но здесь мы подходим к следующему измерению тайны греха, о котором человеческий разум никогда не переставал размышлять: к вопросу о его тяжести. Это вопрос, который нельзя оставить без внимания, и на который никогда не отказывалась отвечать христианская совесть. Почему и до какой степени грех является серьезным преступлением против Бога и имеет серьезные последствия для человека? Церковь в этой области обладает учением, которое она вновь подтверждает в его существенных элементах, признавая при этом, что не всегда легко определить ясные и точные границы в конкретных ситуациях.

Уже в Ветхом Завете, людей, виновных в совершении некоторых видов грехов – в грехах,

совершенных сознательно (75), в различных формах нечистоты (76), идолослужения (77) и поклонения ложным богам (78) – предписывается «изъять из народа», что могло также значить и осуждение на смерть (79). В противоположность этому были другие грехи, особенно совершенные по неведению, которые прощались после принесения жертвоприношения (80).

Ссылаясь в том числе и на эти тексты, Церковь на протяжении столетий говорила о смертном грехе и о простительном грехе. Но наибольший свет на это различие и на эти наименования проливает Новый Завет. В нем имеется множество текстов, перечисляющих и весьма порицающих грехи, особенно заслуживающие осуждения (81). В нем имеется и подтверждение Десяти Заповедей со стороны Самого Иисуса (82). Здесь я желал бы уделить особое внимание двум особенно значительным и производящим глубокое впечатление текстам.

В своем Первом Послании Св. Иоанн говорит о грехе к смерти (*pros thanaton*), в противоположность греху не к смерти (*me pros thanaton*) (83). Очевидно, под смертью здесь имеется в виду духовная смерть. Это означает утрату истинной жизни или «жизни вечной», которой для Иоанна является знание Отца и Сына (84), а также общение и близость с ними. В этом тексте под грехом к смерти, кажется, имеется в виду отвержение Сына (85) или служение ложным богам (86). В любом случае, проводя это различие понятий, Иоанн, как представляется, желает подчеркнуть неизмеримую серьезность того, что является самой сущностью греха, а именно – отвержение Бога. Оно проявляется прежде всего в отступничестве и идолослужении: в отречении от веры в богооткровенные истины и в уравнивании с Богом чего-то из того, что сотворено, возведение твари в положение идолов или ложных богов (87). Но в этом тексте апостол был намерен также подчеркнуть ту уверенность, которую христианин обретает благодаря тому, что он «рожден в Боге», благодаря пришествию Сына: христианин наделен силой, хранящей его от впадения в грех; Бог защищает его и «не приблизится к нему лукавый». Если он по слабости или неведению впал в грех, он имеет уверенность в прощении, в том числе и потому, что он поддерживаем совместной молитвой общины.

В другом новозаветном тексте, а именно в тексте из Евангелия от Матфея (88), Сам Иисус говорит о «грехе против Духа Святого», который «не будет прощен», по той причине, что в своих проявлениях он является упорным отказом обратиться к любви милосердного Отца.

Здесь, конечно, речь идет о радикальных проявлениях внешнего порядка: об отвержении Бога, отказе от Его благодати и, вследствие этого, о противлении самому источнику спасения (89) – то есть о действиях, которыми человек добровольно удаляет себя от пути прощения. Следует надеяться, что лишь очень немногие до конца упорствуют в этом мятежном образе действия или даже в вызове, обращенном к Богу. Более того Бог, в Своей милосердной любви, больше, чем наши сердца, как далее учит нас Св. Иоанн (90), и может преодолеть всякое наше психологическое и духовное противление. Поэтому Св. Фома писал, что «учитывая всемогущество и милосердие Божьи, никто не должен отчаиваться в спасении кого-либо в этой жизни» (91).

Но когда мы размышляем о проблеме мятежной воле, встречающейся с бесконечно праведным Богом, мы можем испытывать лишь спасительный «страх и трепет», как советует Св. Павел (92). Более того, предупреждение Иисуса о грехе «который не будет прощен» подтверждает, что существуют такие грехи, которые могут повлечь для грешника наказание «вечной смерти».

В свете этого и других текстов Священного Писания, учителя и богословы, духовные наставники и пастыри, разделили грехи на смертные и простительные. Св. Августин, наряду с прочими, говорит о смертных преступлениях (*letalia* или *mortifea crimea*), противопоставляя им простительные, легкие или повседневные (*venialia, levia* или *quotidiana*)(93). Значение, которое он придает этим прилагательным, оказало влияние на последующее учительство Церкви. В последующем Св. Фома яснейшим возможным образом сформулировал учение, которого неизменно придерживалась Церковь.

Определяя смертный и простительный грехи, и проводя между ними различие, Св. Фома и богословие греха, восходящее к нему, не могли не знать о библейских текстах, а значит о понятии духовной смерти. В соответствии со Св. Фомой, чтобы духовно жить, человек должен пребывать в общении с высшим началом жизни, то есть с Богом, поскольку Бог есть высшая цель существования и действия человека. Грех же является проступком человека против своей против этого животворящего начала. Если разлад, внесенный грехом, достигает уровня, на котором человек отвращается от своей высшей цели – Бога – с которой он соединен любовью, то грех является смертным; с другой стороны, если этот разлад не достигает уровня отвращения от Бога, грех является простительным (94). Поэтому простительный грех не лишает человека освящающей благодати, дружбы с Богом, любви, а значит и вечного счастья, в то время как именно такое лишение является следствием смертного греха.

Более того, при рассмотрении греха с точки зрения того наказания, которого он заслуживает, для св. Фомы и других учителей, смертный грех – это грех, который, если он не прощен, ведет к вечному наказанию; в то время как простительный грех – это грех, влекущий лишь временное наказание (то есть частичное наказание, которое может быть понесено на земле или в чистилище).

Когда грех рассматривается с точки зрения его материи, идеи смерти, радикального разрыва с Богом, с высшим благом, отклонения от пути, ведущего к Богу или прерывание странствия к Нему (все это способы определения смертного греха) связываются с идеей тяжести объективного содержания греха. Поэтому, в учении и пастырской деятельности Церкви, тяжкий грех на практике отождествляется со смертным грехом.

Такова сущность традиционного учения Церкви которое часто и решительно повторялось во время недавнего Синода. Фактически, Синод не только подтвердил учение Тридентского Собора в отношении существования смертных и простительных грехов и их природы (95), но и напомнил, что смертным является грех, который касается серьезной материи, и, кроме того,

совершен с полным сознанием и полным согласием. Необходимо добавить – и так и поступил Синод – что некоторые грехи по сущности своей являются тяжелыми и смертными в силу самой той материи, которой касаются. Это значит, что существуют действия, которые *per se*, сами по себе, вне зависимости от обстоятельств, всегда являются чрезвычайно дурными ввиду самого своего объекта. Такие действия, если их совершают достаточно осознанно и свободно, всегда греховны в тяжелой степени (96).

Это учение, основанное на Десяти Заповедях и на ветхозаветной проповеди принятое в кериγμα апостолов, относящееся к содержанию древнейшего учения Церкви и постоянно подтверждавшееся ею вплоть до сего дня, вполне подтверждается опытом мужчин и женщин всех времен. Человек хорошо знает, что следуя по пути веры и праведности, ведущему к познанию Бога и к любви Божией в этой жизни и к совершенному союзу с Ним в вечности, он может перестать двигаться вперед и сбиться с дороги, не оставляя пути Божьего; и в этом случае совершается простительный грех. Его значимость, однако не следует недооценивать, как если бы он был по определению считался чем-то, на что можно не обратить внимания, рассматривая его как “несущественный грех”.

Ибо из своего плачевного опыта человек также знает, что сознательным и свободным актом своей воли он может изменить направление своего движения и пойти в сторону, противоположную воле Божьей, отделяя себя от Бога (*aversio a Deo*), отвергая любовное общение с Ним, удаляясь от начала жизни, которым является Бог, и, вследствие этого, избирая смерть.

Следуя традиции Церкви, мы называем смертным грехом акт, посредством которого человек свободно и сознательно отвергает Бога, Его закон, завет любви, который Он предлагает, – предпочитая обратиться к себе самому или к чему-то еще сотворенному и конечному, иногда – противоположному воле Божьей (*conversio ad creaturam*). Это может делаться непосредственно и явно, путем таких грехов, как идолопоклонство, отступничество и атеизм; или, в равной степени, любым актом нарушения заповедей Божьих в том, что касается серьезной материи. Человек осознает, что этот акт непослушания Богу разрывает узы, соединяющие его с его жизненным началом: это смертный грех, то есть действие, которое тяжело оскорбляет Бога и обращается в конце концов против самого человека с темной и могучей разрушительной силой.

Во время ассамблеи Синода некоторые отцы предлагали трехчастную классификацию грехов, разделяя их на простительные, тяжкие и смертные. Это трехчастное деление может служить иллюстрацией того, что существуют степени серьезности среди тяжких грехов. Но по-прежнему остается верным то, что существенным и решающим различием является различие между грехом, разрушающим любовь и грехом, не уничтожающим сверхъестественную жизнь. Не существует среднего пути между жизнью и смертью.

Также следует позаботиться о том, чтобы не сводить смертный грех лишь к акту, как сегодня часто говорят, «основополагающего выбора», направленного против Бога, подразумевая под ним явное и открытое оскорбление Бога или ближнего. Ибо смертный грех наличествует

также и тогда, когда человек сознательно и добровольно, по какой бы то ни было причине, избирает нечто существенно неправильное. На самом деле такой выбор всегда включает в себя презрение к Божьему закону, отказ от Его любви к человечеству и всему творению; личность отворачивается от Бога и утрачивает любовь. Таким образом, глубинное направление жизни человека может быть изменено его личными действиями. Ясно, что могут случаться ситуации, с психологической точки зрения очень сложные и неясные, что оказывает влияние на субъективную виновность грешника. Однако от учета психологической сферы нельзя перейти к созданию богословской категории, – а именно ею является категория «основополагающего выбора», – при таком ее понимании, которая изменяет традиционную концепцию смертного греха или бросает на нее сомнение.

Любые искренние и разумные попытки прояснить психологические и богословские аспекты тайны греха должны цениться, однако Церковь обязана напомнить всем ученым, работающим в этой области, о необходимости быть верными слову Божьему, которое учит нас, среди прочего, и о грехе. Также она должна напомнить им об опасности содействия еще большему ослаблению чувства греха в современном мире.

Утрата чувства греха

18. В течение жизни многих поколений, христианское сознание впитало из Евангелия, читаемого в церковной общине, тонкую чувствительность и по отношению к содержащимся в грехе семенам смерти и острое их осознание, равно как и чувствительность и остроту осознания, необходимую для того, чтобы выявить их в тех тысячах образов, в которых является грех. Это и есть то, что обычно называют чувством греха.

Это чувство коренится в нравственном сознании человека и служит его индикатором. Оно связано с чувством Бога, поскольку проистекает из осознанных отношений человека с Богом, как со своим Творцом, Господом и Отцом. Поэтому, поскольку полностью искоренить чувство бога или заставить совсем молчать совесть, то и чувство греха невозможно вполне уничтожить.

Тем не менее, нередко в истории случалось, что на протяжении более или менее долгих временных периодов и под влиянием множества различных факторов, нравственное сознание многих людей оказывалось сильно замутнено. «Есть ли у нас верное понятие о совести?» – спросил я два года назад в обращении к верным – «Разве современный человек не подвержен помрачению совести? Искажению совести? Оцепенению или ‘омертвелостью’ совести?» (97). Слишком многочисленные знаки указывают на это помрачение в наши дни. Это тем более тревожно, что совесть, определенная Собором как «потаянное ядро человека, его святая святых» (98), «неразрывно связана с человеческой свободой... По этой причине совесть, в значительной степени, составляет основу внутреннего достоинства человека и, в то же самое время, основу его отношений с Богом» (99). Поэтому в этой ситуации неизбежно затемняется также и чувство греха, тесно связанное с нравственным сознанием, с поиском истины и с желанием ответственно пользоваться свободой. Когда ослабляется совесть, затемняется также и чувство Бога и, в результате потери этого имеющего решающее значение

внутреннего ориентира, утрачивается и чувство греха. Это объясняет, почему мой предшественник, Папа Пий XI однажды заявил, говоря словами, практически вошедшими в поговорку, что «грех нашего века – это потеря чувства греха» (100).

Почему это случилось в наше время? Взгляд на определенные аспекты современной культуры может помочь нам понять это возрастающее ослабление чувства греха, произошедшее именно вследствие кризиса совести и кризиса чувства Бога, о которых мы уже упоминали.

«Секуляризм», по своей природе и по определению – это движение, связанное с идеями и поведением, которые пропагандируют гуманизм, совершенно лишенный Бога, ставящий в центр лишь культ действия и производства, охваченный безрассудным энтузиазмом потребительства и гонки за удовольствиями, и не заботящийся о возможной «потере души». Этот секуляризм не может не подрывать чувство греха. В лучшем случае, грех будет сведен к тому, что наносит ущерб человеку. Но именно здесь мы сталкиваемся с тем горьким опытом, который я уже упоминал в моей первой энциклике – а именно с тем, что «человек может построить мир без Бога, но этот мир в конце концов обернется против него самого» (101). В действительности Бог есть причина и высшая цель человека, и человек несет в себе божественное семя (102). Поэтому именно реальность Бога раскрывает и показывает тайну человека. Посему тщетно надеяться, что среди людей сможет укорениться чувство греха против человека и против человеческих ценностей, если не будет чувства, указывающего на нанесение оскорбления Богу, то есть подлинного чувства греха.

Другая причина исчезновения чувства греха в современном обществе может быть найдена в ошибках, совершенных при оценке некоторых открытий наук о человеке. Так основывающееся на некоторых утверждениях психологии желание избежать определенного чувства вины или наложения ограничений на свободу ведет к отказу даже допустить наличие у человека каких-либо недостатков. Неправоммерно широкое применение критериев, введенных социологической наукой, ведет в итоге, как я уже говорил, к тому, что во всех ошибках обвиняется общество, а отдельный человек объявляется не виновным в них. Также антропология культуры иногда столь подчеркивает неоспоримую обусловленность средой и историей и влияние на человека этих факторов, так принижая ответственность самого человека, что даже не признается его способность действовать подлинно по-человечески, а значит – и его способность грешить.

Чувство греха также легко умалется в результате применения системы этики, основанной на определенном историческом релятивизме. Она может принимать форму этической системы, которая релятивизирует нравственные нормы, отрицая их абсолютную и безусловную ценность, а в результате отрицая, что могут быть внутренне незаконные акты, вне зависимости от обстоятельств, в которых они совершаются субъектом. Здесь кроется подлинное «ниспровержение и низвершение нравственных ценностей», и «проблема заключается не столько в неведении о христианской этике», сколько в неведении «скорее о смысле, основаниях и критерия нравственного подхода» (103). Другим результатом этого этического переворота всегда является очень сильное обеднение понятия греха, вплоть до

того, что утверждается, будто грех существует, но никто не знает, кто его совершает.

Наконец, чувство греха исчезает, когда – как это может случаться в отношении образования молодежи, в области средств массовой информации и даже в семейном обучении – оно ложно отождествляется с болезненным чувством вины или с простым нарушением норм и предписаний закона.

Таким образом, потеря чувства греха – это разновидность или следствие отрицание Бога: не только в форме атеизма, но также и в форме секуляризма. Если грех – это разрыв сыновних отношений человека с Богом, направленный на то, чтобы жизнь его протекала вне послушания Ему, то грешить – значит не просто отрицать Бога. Грешить – значит также жить так, как если бы Он не существовал, устранить Его из своей каждодневной жизни. Образ изувеченного и лишенного равновесия общества, который часто поддерживается средствами массовой информации, весьма способствует постепенной утрате чувства греха. В подобной ситуации затмение или ослабление чувства греха происходит по нескольким причинам: из-за отказа от любой соотнесенности с трансцендентным во имя стремления отдельного человека к личной независимости; из-за принятия этических моделей, навязанных общепринятыми суждениями или общепринятым поведением, даже когда их осуждает совесть конкретного человека; из-за бедственных социальных и экономических условий, гнетущих огромную часть человечества, порождая склонность смотреть на ошибки и недостатки лишь в контексте общества; наконец – и особенно – из-за затемнения смысла понятия об отцовстве Бога и о Его господстве над человеческой жизнью.

Даже в области церковной мысли и в жизни Церкви есть некоторые тенденции, неминуемо способствующие ослаблению чувства греха. К примену, некоторые склонны заменять чрезмерно акцентированные в прошлом подходы новыми чрезмерными акцентами: от бытовавшей прежде склонности везде видеть грех, они переходят к склонности не признавать его ни в чем; от бытовавшей склонности слишком сильно подчеркивать страх вечного наказания они переходят к склонности проповедовать любовь Божью, которая исключает всякое наказание, заслуженное грехом; от склонности к суровости в попытках исправить заблудшую совесть, они переходят к особому уважению к свободе совести, исключаящему обязанность говорить истину. И разве не следует добавить, что смятение, внесенное в сознание многих верных различием во мнениях и учениях в богословии, проповеди, катехизации и духовном руководстве в том, что касается серьезных и тонких вопросов христианской нравственности, ведет к умалению подлинного чувства греха вплоть до его полного исчезновения? Нельзя оставить без внимания и некоторые упущения в осуществлении таинственного покаяния. К ним относится склонность сатемнять церковную значимость греха и обращения, и сводить их лишь к области сугубо личной, или наоборот, склонность сводить к нулю личную ценность добра и зла и рассматривать лишь их общинное измерение. Также существует никогда не исчезающая полностью опасность к механическому ритуализму, который лишает таинство полноты его значимости и его воспитательной действенности.

Восстановление должного чувства греха – это первейший путь противостояния тяжелому

духовному кризису, угрожающему сегодня человеку. Но чувство греха может быть восстановлено лишь благодаря ясному напоминанию о неизменности оснований разума и веры, которых всегда придерживалось нравственное учение Церкви.

Есть немало причин надеяться, что здоровое чувство греха снова возрастет, особенно в христианском мире и в Церкви. Этому будет содействовать аутентичная катехизация в свете библейского богословия завета, внимание и доверчивая открытость по отношению к учительству Церкви, которое никогда не перестает просвещать совесть людей, и – более всего – все более усердное обращение к таинству покаяния.

ГЛАВА II

ТАЙНА БЛАГОЧЕСТИЯ – “MYSTERIUM PIETATIS”

19. Чтобы понять грех мы должны были направить свое внимание на его природу, которую мы узнаем из откровения о домостроительстве спасения: это *mysterium iniquitatis*, тайна беззакония. Но в домостроительстве спасения грех не принадлежит к числу главных начал, и еще в меньшей определяет его направление. Грех противоборствует иному действующему началу, которое мы можем назвать, используя прекрасные и внушительные слова св. Павла, тайной или таинством благочестия. Грех победил бы человека и в конце концов разрушил бы его, Божий спасительный план был бы не исполнен до конца или даже вовсе побежден, если эта тайна благочестия не стала частью динамизма истории, направленной на преодоление человеческого греха.

Мы встречаем это выражение в одном из пастырских посланий Св. Павла, в Первом Послании к Тимофею. Он появляется там внезапно, как бы по неудержимому вдохновению. Перед этим апостол посвящает длинный пассаж своего письма к возлюбленному ученику объяснению значения управления общиной (литургического порядка и взаимосвязанного с ним порядка иерархического). Затем он говорит о роли первенствующих в общине, прежде чем обратиться к тому, как сам Тимофей управляет «в доме Божием, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины». Затем, в конце пассажа он внезапно, но с глубокой целью, напоминает о том, что придает смысл всему, им написанному: «И, бесспорно, великая благочестия тайна» (104).

Ни в малейшей мере не изменяя буквальному смыслу текста, мы можем расширить границы этого замечательного богословского прозрения св. Павла, вплоть до более полного видения той роли, которую играет провозглашенная им истины в домостроительстве спасения: «Воистину, велика», говорим мы вместе с ним, «благочестия тайна», поскольку она побеждает грех.

Но каково значение этого выражения по мысли св. Павла?

Это Сам Христос

20. Глубоко значимо то, что когда Павел говорит об этой тайне благочестия, он просто

повторяет, не увязывая их грамматически с тем, что уже было написано, три строки христологического гимна который, по мнению авторитетных ученых, использовался в грекоязычных христианских общинах.

Словами этого гимна, полных богословского содержания и богатых благородной красотой, эти верующие первых столетий исповедовали свою веру в тайну Христа, посредством которой:

- Он явился в реальности человеческой плоти и был соделан Духом Святым Праведником, предлагающим себя в жертву за неправедных.
- Он показал Себя ангелам, будучи соделан большим, чем они, и он был проповедован народам как тот, кто несет спасение.
- В него уверовали в мире как в того, кто был послан Отцом и тем же Отцом был принят на небеса как Господь (106).

Таким образом, тайна или таинство благочестия – это сама тайна Христа. Это поразительным образом сжато изложенная тайна воплощения и искупления, полноты пасхи Иисуса, Сына Божьего и Сына Марии: тайна Его страстей и смерти, Его воскресения и прославления. Цитируя строки гимна, Св. Павел желал подчеркнуть, что эта тайна является скрытым жизненным началом, которое делает Церковь домом Божьим, столпом и утверждением истины. Следуя учению Св. Павла, мы можем утверждать, что именно эта тайна Божьей бесконечной любящей доброты по отношению к нам способна проникнуть до тайных корней нашего беззакония, чтобы вызвать в душе движение к обращению, чтобы искупить ее и направить ее на путь к примирению.

Св. Иоанн также несомненно указывает на эту тайну, но, используя свой особый язык, отличающийся от языка Св. Павла, он мог написать, что «всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему» (107). В этом утверждении Иоанна присутствует выражение надежды, основанной на божественных обетованиях: христианин получи уверенность и силу, необходимые, чтобы не грешить. Речь, поэтому, идет не о безгрешности обретенной кем-либо благодаря собственной добродетели или даже внутренне присущей человеку, как о том учили гностики. Это результат действия Божьего. Чтобы не грешить, христианин имеет познание Бога – как напоминает нам Св. Иоанн в том же тексте. Но немного ранее он пишет: «рожденный от Бога не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем» (108). Если под «семенем Божьим», как предполагают некоторые толкователи, имеется в виду Иисус, Сын Божий, то мы можем сказать, что чтобы не грешить, чтобы получить свободу от греха, Христианин принял в себя присутствием Христа и Его тайны, то есть тайны любящей доброты Бога.

Усилие христианина

21. Но существует и другой аспект тайны благочестия: любящая доброта Бога по отношению к христианину должна встречаться с благочестивым отношением христианина к Богу. В этом, втором, значении слова, благочестие (*eusebia*) означает поведение христианина, отвечающего на Божью отеческую и любовную доброту своим сыновним благочестием.

В этом смысле мы также можем вместе со св. Павлом сказать, что воистину велика «благочестия тайна». В этом смысле благочестие также противоборствует беззаконию и греху, будучи силой обращения и примирения. В этом случае два существенных аспекта тайны Христа также становятся объектом благочестия, в том смысле, что христианин принимает эту тайну, созерцает ее и извлекает из нее духовную силу, необходимую для жизни согласно Евангелию. Здесь также необходимо сказать, что «рожденный от Бога не делает греха», но это выражение теперь обретает императивный смысл: укрепляемый тайной Христа как внутренним источником духовной энергии, христианин, будучи дитем Божиим, получает предостережение не грешить, и, несомненно, также заповедь – не грешить, но жить достойным «дома Божьего, который есть Церковь Бога живого» (109) образом.

Навстречу примиренной жизни

22. Итак, слово Писания, раскрывающее нам тайну благочестия, открывает разум для обращения и примирения, которые понимаются не как возвышенные абстракции, но как конкретные христианские ценности, которые должны воплощаться в нашей повседневной жизни.

Введенные в заблуждение утратой чувства греха и иногда искушаемые иллюзией безгрешности, которая является всецело нехристианской, сегодняшние люди нуждаются в том, чтобы снова услышать предостережение св. Иоанна, обращенное как бы к каждому из них лично: «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (110) и что воистину «весь мир лежит во зле» (111). Поэтому каждый человек приглашается голосом божественной истины к реалистичному испытанию своей совести и к исповеданию того, что совершил беззаконие, как говорит псалом «Помилуй меня, Боже» (112).

Тем не менее, испытывая страх и отчаяние, современные люди могут почувствовать подъем, внимая божественному обетованию, которое раскрывает их навстречу надежде на полное примирение.

Тайна благочестия, со стороны Бога, это то милосердие, которым наш Господь и Отец – я вновь повторяю это – бесконечно богат (113). Как я говорил в своей энциклике, посвященной божественному милосердию (114), оно есть любовь, которая сильнее греха и могущественнее смерти. Когда мы понимаем, что Божья любовь к нам не исчезает перед лицом нашего греха и не отступает от нас, несмотря на наши преступления, но лишь становится еще более чуткой и щедрой; когда мы понимаем, что эта любовь столь велика, что привела к сталям и смерти Бога Слова воплощенного, Который согласился искупить нас ценой собственной Крови, то мы восклицаем в благодарении: «О да, Господь богат милосердием!» и даже «Бог есть милосердие!».

Тайна благочестия – это путь к примиренной жизни, открытый Божиим милосердием.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ПОКАЯНИЯ И ПРИМИРЕНИЯ

Содействуя покаянию и примирению

23. Пробуждать покаяние и примирение в сердце человека и предлагать ему др примирения – особая миссия Церкви, продолжающей искупительное дело своего Божественного Основателя. Эта миссия не ограничивается теоретическими утверждениями и энергичным предложением этического идеала. Скорее эта миссия стремится выразить себя во вполне определенном служении, связанном с конкретным воплощением покаяния и примирения.

Мы называем это служение, основанное на принципах веры, которые мы объяснили, и просвещаемое ими, направленное на вполне определенные цели и пользующееся соответствующими средствами, пастырской деятельностью в области покаяния и примирения. Отправной точкой для него служит убежденность Церкви в том, что человек, к которому обращена любая форма пастырской деятельности, и особенно – в том, что касается покаяния и примирения – это человек, отмеченный грехом, замечательный образ которого мы находим в примере царя Давида. Обличаемый пророком Нафаном, Давид лицом к лицу встречается со своим беззаконием и исповедует: «согрешил я пред Господом» (115), провозглашая: «беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною» (116). Но он также и молится: «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега» (117), и получает ответ Божественного милосердия: «Господь снял с тебя грех твой, ты не умрешь» (118).

Церковь стоит лицом к лицу с человеком, – и со всем человечеством, – уязвленным грехом и подвергнувшимся его влиянию в самых глубоких частях своего существа. Но в то же время он побуждается неустранимым желанием освободиться от греха и, особенно если он – христианин, он знает, что тайна благочестия, Господь Христос, уже действует в нем и в мире силой искупления.

Примиряющее служение Церкви должно, поэтому, осуществляться в согласии с той глубинной связью, которая тесно соединяет прощение и отпущение грехов каждого человека с глубинным и всецелым примирением человечества, совершенным в Искуплении. Эта связь помогает нам понять, что поскольку грех – это действующее начало разделений – разделения между человеком и Творцом, разделений в сердце и естестве человека, разделений между отдельными людьми и их сообществами, между человеком и сотворенным Богом миром – то лишь обращение и отвержение греха способны привести к глубокому и постоянному примирению в любой области, где произошло разделение.

Мне нет нужды повторять то, что я уже говорил о важности этого «служения примирения» (119), и той пастырской деятельности, благодаря которой оно осуществляется в сознании и жизни Церкви. Эта пастырская деятельность будет лишена своего существенного аспекта и не сможет исполнять свою необходимую функцию, если «весть о примирении» (120) не будет провозглашаться ясно и упорно – благовременно и безвременно, и если дар примирения не будет предлагаться миру. Но следует повторить, что значение церковного служения

примирения распространяется за пределы видимых границ Церкви – на весь мир.

Таким образом, говорить о пастырской деятельности в области покаяния и примирения – значит говорить обо всех связанных с их утверждением задачах, возложенных на Церковь, на всех ее уровнях. Более конкретно, говорить об этой пастырской деятельности, значит напоминать обо всех тех видах деятельности, которыми Церковь, через всех и каждого из своих членов – через пастырей и верных, на всех уровнях и во всех сферах, и всеми средствами, находящимися в ее распоряжении, словом и делом, учением и молитвой – ведет всех людей – по отдельности и в сообществах – к подлинному покаянию и таким образом ставит их на путь к полному примирению.

Отцы Синода, как представители своих братьев во епископстве и как руководители вверенного им народа были озабочено наиболее практическими и конкретными сторонам этого пастырского служения. И я рад отразить их заботы, присоединяясь к их тревогам и надеждам, перенимая результаты их исследований и их опыт, и подкрепляя их в их замыслах и достижениях. Быть может, они найдут в этой части настоящего апостольского обращения и тот вклад, который они сами внесли в работу синода, тот вклад, полезное содержание которого я хочу предложить, благодаря этим страницам, всей Церкви.

Итак, я хотел бы обратить внимание на существенные составляющие пастырского служения покаяния и примирения, подчеркнув, вместе с ассамблеей Синода, следующие две темы:

1. Средства, которыми пользуется Церковь и пути, по которым она следует с тем, чтобы содействовать покаянию и примирению.
2. Таинство покаяния и примирения как таковое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОДЕЙСТВИЕ ПОКАЯНИЮ И ПРИМИРЕНИЮ: ПУТИ И СРЕДСТВА

24. Церковь, чтобы содействовать покаянию и примирению, имеет в своем распоряжении два главнейших средства, вверенных ей Самим ее Основателем: катехизис и таинства. Их использование всегда считалось Церковью полностью соответствующим запросам ее спасительной миссии, и, в то же время, отвечающим запросам и духовным нуждам людей всех эпох. Они могут использоваться различным образом и различными путями, как старыми, так и новыми, среди которых необходимо упомянуть особым образом то, что мы можем назвать, следуя выражению моего предшественника, Папы Павла VI, методом диалога.

Диалог

25. Для Церкви диалог является в определенном смысле средством, но прежде всего он – путь осуществления ее деятельности в современном мире.

Второй Ватиканский Собор провозглашает, что «в силу своей миссии – просвещать евангельской вестью весь мир и собирать в одном Духе всех людей ... Церковь становится знаменем того братства, которое делает возможным и укрепляет честный диалог». Собор добавляет, что Церковь должна быть способна действовать так, «чтобы налаживался все более плодотворный диалог между всеми людьми, составляющими один Народ Божий» (121) и чтобы она могла «войти в диалог с ... человеческим обществом» (122).

Мой предшественник Папа Павел VI посвятил диалогу значительную часть своей первой энциклики *Ecclesiam Suam*, в которого он описывает и глубокомысленно характеризует его как «диалог спасения» (123).

В действительности Церковь пользуется методом диалога чтобы иметь возможность лучше вести людей – как тех, кто посредством крещения и исповедания веры признал, что принадлежит к христианской общине, так и тех, кто находится вне нее – к обращению и покаянию, по пути глубокого обновления их совести и жизни в свете тайны искупления и спасения, совершенного Христом, и вверенного служению Его Церкви. Поэтому подлинный диалог всегда направлен прежде всего к возрождению каждого человека посредством внутреннего обращения и покаяния, но всегда – с глубоким уважением к свободе его совести, с терпением, делая шаг за шагом – что необходимо в современных условиях.

Пастырский диалог, имеющий целью примирение, продолжает сегодня оставаться основополагающей задачей Церкви в разных областях и на разных уровнях.

Церковь прежде всего содействует экуменическому диалогу, то есть, диалогу с Церквями и церковными общинами, которые исповедуют веру во Христа, Сына Божьего, единственного Спасителя. Также она развивает диалог с другими общинами людей, ищущих Бога и желающих находиться с Ним в общении.

Основанием такого диалога с другими Церквями и христианскими общинами, а также с другими религиями, условием его подлинности и эффективности, должно оставаться усилие, направленное на осуществление постоянного обновленного диалога внутри самой Католической Церкви. Ей известно, что по своей природе она является таинством всеобщего общения в любви (125), но она также знает и о сложностях в отношениях внутри себя, сложностях, которые могут стать факторами, ведущими к разделению.

Искренний и решительный призыв, уже прозвучавший из уст моего предшественника в ходе подготовки к Святому Году, приходившемуся на 1975 г., остается значимым и для нынешнего момента. Чтобы преодолеть конфликты и иметь уверенность, что естественные сложности не нанесут ущерба единству Церкви, мы должны прилагать к себе слово Божье; мы должны оставить наши субъективные взгляды и искать истину там, где она находится, а именно в самом божественном слове и в аутентичном толковании его, осуществляемом учительством Церкви. В свете этого, умение слушать друг друга, уважение, воздержание от всех поспешных суждений, терпение, умение подчиняться вере, которая объединяет, уход от мнений, модных взглядов и идеологических позиций, которые разделяют – являются

качествами того диалога внутри Церкви, который должен оставаться настойчивым, открытым и искренним. Очевидно, если учительство Церкви не будет внимательно восприниматься и приниматься, этот диалог будет лишен таких качеств и не сможет стать фактором примирения.

Активно стремясь таким образом к возрастанию общения внутри себя, Католическая Церковь может обратиться с призывом к примирению к другим Церквям, с которыми она не находится в полном общении, равно как и к представителям других религий и ко всем, кто ищет Бога искренним сердцем. Так она и поступает в течение определенного времени.

В свете учения Собора и учительства моих предшественников, драгоценное наследие которых я принял и всеми силами стараюсь сохранить и осуществить на деле, я могу утверждать, что Католическая Церковь на всех уровнях стремится к искреннему экуменическому диалогу, которому не свойственен поверхностный оптимизм, но которому также не свойственны недоверие, колебания и промедления. К числу основополагающих законов, которым она старается следовать в ходе этого диалога относится, прежде всего, убеждение что лишь духовный экуменизм – то есть экуменизм основанный на общей молитве и общем послушании по отношению к Господу – позволяет нам искренне и серьезно отвечать на другие важные запросы экуменической деятельности (126). Вторым законом является убеждение в том, что ложный иренизм в вероучительных и особенно в догматических вопросах может, вероятно, повести к некоторому искусственному и кратковременному сосуществованию, но не может привести к тому глубокому и постоянному общению, к которому мы все стремимся. Мы придем к этому общению тогда, когда будет благоугодно Божественному провидению. Но Католическая Церковь, со своей стороны, осознает, что чтобы достигнуть его, она должна быть открытой и чуткой ко всем «подлинно христианским благам, восходящим к общему наследию, которыми обладают отделенные от нас братья» (127); но она также осознает и то, что она должна основывать искренний и конструктивный диалог на ясности в том, что касается ее позиций и на верности и постоянстве в отношении веры, передаваемой и определяемой в соответствии с давней традицией учительства. Вопреки опасности впасть в некое пораженчество и несмотря на неизбежные промедления, которых никогда не исправить необдуманной спешкой, Католическая Церковь продолжает вместе с другими братьями во Христе искать пути к единству, и продолжает вместе с последователями других религий стремиться к искреннему диалогу. Да приведет этот межрелигиозный диалог к преодолению всякой вражды, недоверия, взаимного осуждения и даже взаимных выпадов, что является предварительным условием для встречи хотя бы в вере в единого Бога и в уверенности в вечной жизни бессмертной души. Да дарует Господь, чтобы особенно этот экуменический диалог привел к искреннему примирению во всем, что уже объединяет нас с другими христианскими Церквями – в вере в Иисуса Христа, Сына Божьего, ставшего Человеком, нашего Спасителя и Господа; в слышании слова; в исследовании откровения и в таинстве крещения.

В той степени, в которой Церковь способна создать деятельное согласие – единство в многообразии – внутри себя, и способна быть свидетелем и смиренной служительницей примирения с другими Церквями и церковными общинами, она становится, по яркому

выражению Св. Августина, «примиренным миром» (128). Так она сможет быть знаменем примирения в мире и для мира.

Церковь осведомлена об огромной серьезности ситуации, созданной силами, ведущими к разделению и войне, создающими сегодня огромную угрозу не только равновесию и миру между народами, но и самому выживанию человечества, и она считает себя обязанной предложить свое уникальное сотрудничество в деятельности по преодолению конфликтов и восстановлению согласия.

Таким сотрудничеством является участие в нелегком и имеющем свои тонкости диалоге, направленном к примирению, которое Церковь осуществляет прежде всего посредством деятельности Святого Престола и его различных органов. Святой Престол уже прилагает усилия к тому, чтобы встречаться с руководителями государств и главами различных международных организаций, стремится вступить в связи с ними, осуществлять с ними диалог и побуждать их к диалогу друг с другом во имя примирения среди множества конфликтов. Святой Престол делает это не ради каких-либо скрытых мотивов или тайных интересов, ибо у него таковых нет – но из «гуманных побуждений» (129) ставит свою уникальную организационную структуру и свой особый нравственный авторитет на службу согласию и миру. Это делается в убеждении, что поскольку «в войне две стороны восстают одна на другую», так что и «для достижения мира также необходимо участие двух сторон, которые должны знать, как действовать», и в этом «обретается подлинный смысл диалога, устремленного к миру» (130).

Церковь участвует в диалоге, направленном к примирению, также благодаря деятельности епископов в пределах их полномочий и вверенной им ответственности, которую они осуществляют непосредственно и по отдельности, или в своих местных Церквях, или объединяясь в своих Конференциях Епископов, при помощи священников и всех, кто входит в христианские общины. Они востину осуществляют свою задачу, когда они содействуют этому важному диалогу и провозглашают потребность людей и христиан в примирении и мире. В общении со своими пастырями, миряне, которые имеют свое «поле ... деятельности по возвещению Евангелия: ... обширный и сложный мир политики, социальной реальности, экономики, ... международной жизни» (131), призваны непосредственно участвовать в диалоге или трудиться ради диалога, устремленного к примирению. Через них Церковь также осуществляет свою примиряющую деятельность. Таким образом, основополагающая предпосылка и прочное основания для всякого долговременного обновления общества и для мира между народами заключаются в возрождении сердец благодаря обращению и покаянию. Следует повторить, что со стороны Церкви и ее членов диалог, какую бы форму он ни принимал (а эти формы могут быть и являются самыми разнообразными, поскольку само понятие диалога употребляется в силу аналогии), не может основываться на индифферентности по отношению к истине. Напротив, он должен начинаться с изложения истины, осуществляемого спокойно, с уважением к способности понимания и к свободе совести других людей. Диалог, направленный к примирению, никак не может подменить собой или умалить возвещение евангельской истины, непосредственной целью которого является обращение, уход от греха и общение со Христом и с Церковью. Церковь должна

служить передаче и пониманию этой истины, используя вверенные ей Христом средства осуществления пастырской деятельности, направленной к примирению, а именно катехетические наставления и таинство покаяния.

Катехетические наставления

26. Среди всех тех областей в которых Церковь осуществляет свою миссию, действуя путем диалога, именно пастырское служение покаяния и примирения направлено к членам Церкви. Оно осуществляется прежде всего посредством соответствующих катехетических наставлений, касающихся двух различных взаимодополняющих реальностей, которым синодальные отцы придали особое значение, подчеркнув его в одной из своих заключительных рекомендаций, а именно покаяния и примирения. Катехетические наставления – это первое средство, которое надлежит использовать.

В основе весьма своевременного указания Синода лежит одна фундаментальная предпосылка: то, что относится к пастырству, не противоречит тому, что относится к вероучению. Пастырская деятельность не может отходить от вероучительного содержания, от которого она в действительности получает свою сущность и подлинную значимость. Итак, если Церковь есть столп и утверждение истины (132) и дана миру как мать и наставница, как может она пренебречь необходимостью учить той истине, которая является путем жизни?

От пастырей Церкви люди ожидают, прежде всего, катехетических наставлений о примирении. Они должны основываться на учении Библии, особенно Нового Завета, о необходимости восстановить завет с Богом во Христе – Искупителе и Примирителе. И, в свете этого нового общения и отношений дружбы, и их осуществляя, эти наставления должны основываться на учении, касающемся необходимости примириться со своими братьями, даже если это означает отложить принесение жертвы (133). Иисус решительно настаивает на этом братском примирении: например, когда приглашает нас подставить вторую щеку тому, кто нас ударил и отдать верхнюю одежду тому, кто взял нашу рубашку (134), или когда он насаждает закон прощения: прощения, которое каждый получает в той мере, в какой сам прощает даже своих врагов (136), прощения, которое должно дароваться до семижды семидесяти раз (137), то есть, в действительности, беспредельно. Лишь при соблюдении этих условий, что осуществимо лишь в подлинно евангельской атмосфере, возможно достижение истинного примирения между отдельными людьми, семьями, общинами, странами и народами. На основе этих библейских текстов о примирении естественным образом рождаются богословские катехетические наставления, включающие в свой синтез также и элементы психологии, социологии и других наук о человеке, которые могут помочь прояснить различные ситуации, верно описать проблемы и убедить слушателей или читателей принять конкретные решения.

От пастырей Церкви также ждут катехетических наставлений о покаянии. В этой области также источником должно быть богатство библейского послания. В том, что касается покаяния, это послание особенно подчеркивает его значимость для «обращения». Это слово пытается передать значение стоящего в греческом тексте слова *metanoia* (138), которое

буквально означает «дать духу перевернуться, чтобы он обратился к Богу». Два основополагающих момента также могут быть найдены в притче о сыне, который «пропадал и нашелся»: его «путь к себе» (139) и его решение вернуться к отцу. Примирение невозможно, если прежде не осуществляется эти элементы обращения, и катехетические наставления должны объяснить их, используя понятия и слова, приспособленные к восприятию людей разных возрастов, различных культур, живущих в разном нравственном и социальном окружении.

Такова первая ценность, относящаяся к покаянию, и за ней следует вторая: покаяние также означает раскаяние. Эти два значения слова *metanoia* проявляются в наставлении, которое дал Иисус: «если [брат твой] покается [(возвратится к тебе)], прости ему. И если семь раз в день согрешит против тебя брат твой, и семь раз в день обратится, и скажет: ‘каюсь’, – прости ему» (140). Хорошее катехетическое наставление покажет, насколько раскаяние, равно как и обращение, далеки от искусственных чувств, являясь подлинным переворотом в душе.

Покаянию также свойственна третья ценность, а именно то движение, в котором предшествовавшие обращение и раскаяния выражаются внешним образом: исполнение дел покаяния. Это значения явственно свойственно термину *metanoia*, когда его использует Иоанн Креститель в текстах синоптических Евангелий (141). Творить дела покаяния – значит прежде всего восстанавливать равновесие и согласие, нарушенные грехом, изменять направление своего движения, даже если это требует жертв.

Поэтому, катехетическое наставление, посвященное покаянию, насколько это возможно полное и соответствующее ситуации, абсолютно необходимо во времена, подобные нашим, когда преобладающие подходы в психологии и социальном поведении находятся в таком контрасте с только что описанной трехсторонней ценностью покаяния. Современный человек более чем когда либо считает трудным признать собственные ошибки и решить свернуть с пути и, по изучении своих шагов, начать его заново. Он кажется очень неохотно говорящим «каюсь» или «прости». Он представляется инстинктивно и часто неодолимо отвергающим все, относящееся к покаянию в значении жертвы, которая приносится и осуществляется ради исправления греха. В этой связи я хотел бы подчеркнуть, что покаянная дисциплина Церкви, даже если она и была смягчена некоторое время назад, не может быть оставлена без причинения серьезного вреда внутренней жизни отдельных христиан и церковной общины, в том числе и ее способности оказывать миссионерское влияние. Нередко нехристиане удивляются незначительности свидетельства об истинном покаянии со стороны последователей Христа. Ясно, однако, что христианское покаяние будет подлинным, лишь если оно вдохновляется любовью, а не одним страхом; лишь если оно состоит в серьезной попытке распять «ветхого человека», чтобы сило Христа мог быть рожден «новый человек»; если оно следует образцу Христа, который, хотя и был невинным, избрал путь бедности, терпения, простоты и, можно сказать, покаянной жизни.

Как напомнил Синод, от пастырей Церкви также ожидают катехетических наставлений о совести и ее воспитании. Это тоже очень актуальная тема в свете того, что при тех переворотах, которым подвержена наша современная культура, эта внутренняя святая святых

человека, его глубинное я, его совесть слишком часто подвергается нападкам, испытывается, вводится в смущение и затмевается. Ценные указания в отношении мудрых катехетических наставлений о совести могут быть найдены как в творениях Учителей Церкви, так и в богословском наследии Второго Ватиканского Собора, и особенно в документах о Церкви в современном мире (142) и о религиозной свободе (143). Следуя той же линии, Папа Павел VI часто напоминал нам о природе совести и о ее роли в нашей жизни (144). И сам я, следуя по его стопам, не упускал возможности пролить свет на эту высочайший элемент величия и достоинства человека (145), на это «некое нравственное чувство, ведущее нас к различению доброго и злого ... наподобие внутреннего ока, зрительной способности духа, способного направить наши шаги по пути добра». И я неоднократно повторял о необходимости воспитывать совесть человека, чтобы она не стала «силой, разрушительной для подлинной человечности личности, а не тем святым местом, где Бог открывает ему его подлинное благо» (146).

Также ждут от пастырей Церкви катехетических наставлений и по другим вопросам, не менее связанным с примирением.

О чувстве греха, которое, как я уже говорил, значительно ослабло в нашем мире.

Об искушении и искушениях: Сам Господь Иисус, Сын Божий который «подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (147), позволил лукавому искушать Себя (148), чтобы показать, что, подобно Ему Самому, и его последователи будут подвергаться искушению, и чтобы показать, как должен человек вести себя, когда ему подвергается. Для тех, кто молит Отца о том, чтобы не оказаться искушаемыми сверх своих сил (149) и чтобы не быть введенными во искушение (150), и для тех, кто не ищет возможности согрешить, оказаться подверженным искушению не означает, что они согрешили; скорее это возможность возрасти в верности и постоянстве благодаря смирению и бдительности.

Ждут катехетических наставлений о посте, который может соблюдаться в старых или новых формах, будучи знаменем обращения, раскаяния и смирения, и, в то же время, знаменем единства со Христом распятым и солидарности с алчущими и страдающими.

Катехетических наставлений о милостыне, являющейся средством творить дела любви, практической возможностью разделить то, что имеешь с теми, кто страдает от последствий бедности.

Катехетических наставлений о тесной связи, соединяющей преодоление разделений в мире с тем совершенным общением с Богом и между людьми, которое является эсхатологической целью Церкви.

Катехетических наставлений о конкретных обстоятельствах, в которых должно достигаться примирение (в семье, гражданском обществе, общественных структурах) и особенно о тех четырех видах примирения, которые устраняют четыре основных разрыва: примирении человека с Богом, с собой, с братьями и со всем творением.

Не может Церковь уклониться, не искажая серьезным образом существа своей вести, от постоянного предложения катехетических наставлений о том, что на традиционном христианском языке называется четырьмя последними вещами человека: о смерти, о суде (всеобщем и частном), об аде и о рае. В условиях культуры, которая склонна заключить человека в рамках земной жизни, в которой он более или менее достигает успеха, пастыри Церкви призваны предложить катехетические наставления, раскрывающие и показывающие достоверные факты веры связанные с тем, что следует за нынешней жизнью, за таинственными вратами смерти: вечная радость в общении с Богом или наказание разделения с Ним. Лишь в свете этого эсхатологического видения человек может точно понять природу греха и решительно устремиться к покаянию и примирению.

Ревностные и творчески мыслящие пастыри всегда имеют достаточно возможностей предложить катехетические поучения на эти обширные и многообразные темы, принимая во внимания различие в уровне образования и религиозного воспитания тех, к кому обращаются. Подобные возможности часто возникают в связи с библейскими чтениями и обрядами Мессы и таинств, а также с обстоятельствами, в которых они совершаются. Той же цели могут служить и иные многообразные начинания: проповеди, лекции, дискуссии, встречи, курсы религиозного образования и т.п., как и происходит во многих местах. Здесь я хотел бы особенно указать на важное значение и действенность в том, что касается таких катехетических наставлений, традиционных миссий к народу. Если их осуществление приспособить к своеобразным нуждам нашего времени, подобные миссии могут ныне, так же, как в прошлом, стать полезным средством религиозного образования, в том числе в том, что касается покаяния и примирения.

Ввиду большой важности примирения, основанного на обращении, в тонкой сфере человеческих отношений и социальных взаимодействий на всех уровнях, включая международный, катехетические наставления не могут не отражать важного богатства социального учения Церкви. Своевременные и точные наставления моих предшественников, начиная с Папа Льва XIII, а также существенно дополнившие его пастырская конституция Второго Ватиканского Собора *Gaudium et Spes* и разъяснения, в разных обстоятельствах предлагаемые своим верным епископатами различных стран, стали частями обширного и надежного учения. Оно касается различных потребностей, присущих жизни человеческой общины, отношениям между отдельными людьми, семьями и сообществами в различных сферах и самому устройству человеческого общества, желающего следовать нравственному закону, являющемуся основой цивилизации.

На основе этого социального учения Церкви, очевидно, может быть построено извлекаемое Церковью из слова Божьего видение того, что касается прав и обязанностей отдельных людей, семьи и общины; ценности свободы и природы справедливости; первенства любви, достоинства человеческой личности и важного значения общего блага, к достижению которого должны стремиться политика и экономика. На этих основополагающих принципах учительства Церкви в социальной области, которое подтверждает и вновь предлагает всеобщие требования разума и совести народов, в значительной степени основывается

надежда на мирное разрешение многочисленных социальных конфликтов и, если говорить кратко, надежда на всеобщее примирение.

Таинства

27. Второе установленное Богом средство, которое Церковь предлагает в пастырской деятельности в области покаяния и примирения – это таинства.

В таинственном динамизме таинств, символизм и содержание которых столь богаты, можно отметить один аспект, который еще не был нами подчеркнут: каждое таинство, помимо свойственной каждому из них особой благодати, является еще и знаменем покаяния и примирения. Таким образом, каждое из них может придать новую жизнь этим измерениям духа.

Крещение – это, конечно же, спасительное омовение, действие которого, по словам св. Петра, это «не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести» (151). Это – смерть, погребение и воскресение с умершим, погребенным и воскресшим Христом (152). Это дар Духа Святого через Христа (153). Но эта существенная и изначальная составляющая христианского крещения вовсе не умаляет покаянного элемента, присутствовавшего уже в крещении, принятом Иисусом от Иоанна чтобы «исполнить всякую правду» (154), но, в действительности, обогащает его. Иными словами, крещение – это факт обращения и нового вхождения в должный порядок отношений с Богом, примирения с Богом, при котором устраняется пятно первородного греха и вследствие которого человек входит в великую семью примиренных.

Также и миропомазание, будучи утверждением крещения и – наряду с крещением – таинством христианской инициации, даруя полноту Духа Святого и приводя христианскую жизнь к зрелости, знаменует и осуществляет тем самым еще большее обращение сердца и делает более глубокой и действенной принадлежность к этому собранию примиренных, то есть к Церкви Христовой.

Определение, которое св. Августин дает Евхаристии, говоря, что это «таинство благочестия, знамение единства, узы любви» (155) ясно указывает на результаты личного освящения (благочестие) и примирения общины (единство и любовь), проистекающие из самой сущности евхаристической тайны, являющейся бескровным возобновлением жертвы Креста, источником спасения и примирения для всех людей.

Однако, следует помнить, что Церковь, руководствуясь верой в это великое таинство, учит, что ни один христианин, осознающий, что совершил тяжкий грех, не может принимать евхаристию, не получив прежде Божьего прощения. Мы читаем об это в инструкции *Eucharisticum Mysterium* которая, будучи надлежащим образом утверждена Папой Павлом VI, полностью подтверждает учение Тридентского Собора: «Евхаристия должна также предлагаться верующим как ‘целительное средство, очищающее нас от повседневных прегрешений и хранящее нас от смертного греха’ и надлежит соответствующим образом

указать верным, как участвовать в покаянных частях евхаристической литургии. Тому, кто хочет принять Святое Причастие, следует напомнить о заповеди ‘да испытывает же себя человек’ (1 Кор. 11:28). И обычай Церкви показывает, что подобное испытание необходимо, поскольку никто, осознающий, что находится в состоянии смертного греха, каким бы раскаивающимся он себя не считал, не может приступить к Святой Евхаристии, не приступив сперва к таинству Исповеди. Если же человек нуждается в причащении и не имеет возможности приступить к исповеди, он сперва должен осуществить акт совершенного раскаяния» (156).

Предназначение таинства священства – давать Церкви пастырей, которые, помимо того, что являются учителями и руководителями, призваны быть свидетелями и тружениками единства, возвращать семью Божью, защищать и хранить общение в этой семье от того, что порождает разделение и рассеивает.

Таинство брака, действием благодати возвышающее человеческую любовь, является знаменем любви Христа к Церкви. Но оно также является и знаменем той победы, которую Христос дарует супругам в противостоянии тем силам, которые искажают и разрушают любовь, чтобы семья, рожденная в этом таинстве, могла также быть знаменем Церкви, примиренной и примиряющей весь мир во всех его структурах и установлениях.

Наконец, помазание больных, осуществляемое над пребывающими в недуге и старости, а особенно – в последний час христианина, является знаменем решительного обращения к Господу и полного принятия страданий и смерти в качестве покаяния за грехи. И в этом осуществляется высшее примирение с Отцом.

Однако, среди таинств есть одно, в котором, хотя его часто называли таинством исповеди, из-за исповедания грехов, которое происходит в нем, более следовало бы рассматривать как таинство покаяния в полном смысле этого слова, как оно и называется. И посему это – таинство обращения и примирения. Недавний Синод особое внимание уделил этому таинству, в связи с его важным значением для примирения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ И ПРИМИРЕНИЯ

28. Во всех фазах и на всех уровнях своей работы Синод величайшее внимание уделял рассмотрению таинственного знака, являющего, и в то же время осуществляющего покаяние и примирение. Само по себе это таинство конечно же включает не все возможные идеи, связанные с обращением и примирением. В действительности с самого начала своей истории Церковь признавала и использовала множество различных форм осуществления покаяния. Некоторые из них относятся к литургическим или паралитургическим, и к ним относятся акт покаяния во время Мессы, покаянные богослужения и паломничества. Другие носят аскетический характер, как, например, пост. Но среди всех этих действий нет другого столь значимого, столь божественно действенного или столь возвышенного и в то же время столь легко доступного в виде обряда, как таинство покаяния.

Начиная со своей подготовительной стадии и затем, во множестве выступлений в продолжение сессий и работы в группах, и в своих заключительных предложениях, Синод принимал во внимание часто повторявшееся с разными оттенками и акцентами утверждение о том, что таинство покаяния переживает кризис. Синод обратил внимание на этот кризис. Он рекомендовал предлагать более глубокие катехетические наставления, но рекомендовал также и провести не менее глубокий анализ богословского, исторического, психологического, социологического и юридического характера покаяния в целом и таинства покаяния в частности. Предлагая это сделать, Синод намеревался прояснить причины кризиса и открыть путь к его позитивному разрешению на благо человечества. Между тем, от самого Синода Церковь получила ясное подтверждение своей веры в том, что касается этого таинства, дающего каждому христианину и всей общине верующих уверенность в прощении грехов силой искупительной крови Христовой.

Является своевременным обновление и подтверждение этой веры теперь, когда она, быть может, ослабевает, утрачивает нечто от своей полноты и вступает в область тени и молчания, подвергаясь влиянию негативных аспектов упомянутого выше кризиса. Ибо таинство исповеди воистину подрывается: с одной стороны, помрачением нравственного и религиозного сознания, умалением чувства греха, искажением понятия раскаяния и недостатком усилий, направленных на то, чтобы жить подлинно христианской жизнью; с другой же стороны идеей, иногда получающей широкое распространение, о том, что человек может получить прощение непосредственно от Бога, даже получать его регулярно, не приступая к таинству исповеди. Дополнительное отрицательное влияние оказывает общепринятая практика осуществления этого таинства, в которой иногда недостает усердия и подлинной непосредственности, причины чего, вероятно, заключаются в ошибочном и искаженном понимании результатов таинства.

Поэтому подобает напомнить о важнейших аспектах этого великого таинства.

«Кому простите грехи»

29. Книги Ветхого и Нового Завета сообщают нам первый основополагающий факт, относящийся к милосердию и прощению Божьим. В Псалмах и в проповеди пророков, наименование «милостивый», вероятно, - одно из наиболее часто прилагаемых к Господу, в противоположность распространенному убеждению в том, что в Ветхом Завете Бог представлен прежде всего суровым и мстительным. Так в Псалмах есть обширный поучительный текст, происходящий из традиции Исхода, напоминающий о благом действии Божьем среди Его народа. Это действие, хотя и будучи представлено антропоморфным образом, является одним из наиболее красноречивых ветхозаветных описаний Божьего милосердия. Достаточно процитировать лишь один фрагмент: «Но Он, Милостивый, прощал грех и не истреблял их, многократно отвращал гнев Свой и не возбуждал всей ярости Своей. Он помнил, что они плоть, дыхание, которое уходит и не возвращается» (157).

Когда настала полнота времен, Сын Божий, пришедший как Агнец, берущий на Себя и

несущий на Себе грех мира, является как Тот, Кто обладает властью судить (159) и прощать грехи (160), и Кто пришел не для того, чтобы осудить, что чтобы простить и спасти (161).

Затем этой властью «прощать грехи» Иисус Духом Святым облакает обычных людей, которые сами уязвимы для сетей греха, а именно Своих Апостолов: «Примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (162). Это одно из самых волнующих нововведений Евангелия! Он облакает Своей властью апостолов, так, что они могут передавать ее другим, – как это понималось Церковью с самого начала ее истории, – своим преемникам, которых апостолы наделяют миссией и обязанностью продолжать принадлежащее им служение провозвестников Евангелия и служителей искупительного дела Христова.

Здесь мы видим во всем его величии образ служителя таинства покаяния, который по древнему обычаю именуется исповедником.

Так же, как у алтаря, где он совершает Евхаристию, и так же, как и во всяком таинстве, священник, будучи совершителем таинства покаяния, действует “*in persona Christi*”. Христос, присутствие Которого он осуществляет, и Который совершает таинство прощения грехов, - это Христос, являющийся как Брат человека (163), милостивый, верный и сострадательный Первосвященник (164), Пастырь, желающий отыскать потерянную овцу (165), исцеляющий и утешающий Врач (166), единственный Наставник, учащий истине и открывающий пути Божьи (167), Судья живых и мертвых (168), Который судит по истине и нелицемерно (169). Это, несомненно, самое трудное и требующее наибольшей чуткости, наиболее утомительное и предъявляющее наивысшие требования из священнических служений, но также и наиболее прекрасное и несущее наибольшее утешение. Именно по этой причине, а также помня о решительных рекомендациях Синода, я не устаю побуждать моих братьев, епископов и священников, к верному и прилежному совершению этого служения (170). Перед лицом совести верного, открывающегося ему одновременно со страхом и доверием, исповедник призван к высокому делу, к служению покаяния и примирения людей. Это служение включает в себя познание слабостей и падений верных, оценку их желаний обновиться и усилий, направленных на его достижение, различение действия Духа Святого в их сердцах, сообщения им прощения, которое может даровать только Бог, «празднование» их примирения с Отцом, изображенное в притче о блудном сыне, восстановление этих искупленных грешников в церковной общине, среди их братьев и сестер, и отеческое предостережение этим кающимся, твердое, воодушевляющее и дружеское: «Впредь не грехи» (171).

Для успешного исполнения этого служения исповедник обязательно должен обладать такими человеческими качествами, как рассудительность, благоразумие, проницательность и твердость, смягченная нежностью и добротой. Он также должен обладать серьезной и тщательной подготовкой, не частичной, но полной и внутренне целостной, в различных областях богословия, педагогики и психологии, методологии диалога и, более всего, в том, что касается жизни по слову Божьему, и знания его, наряду с умением передавать это знание. Но еще более необходимо, чтобы он жил подлинной и глубокой духовной жизнью. Чтобы вести других по пути христанского совершенства, служитель таинства покаяния сам первым

должен следовать этим путем. Скорее своими действиями, чем долгими речами, он должен являть подтверждение подлинного опыта жизни в молитве, в осуществлении богословских и нравственных евангельских добродетелей, в верном послушании воле Божьей, в любви к Церкви и в повиновении ее Учительству.

Все эти человеческие дары, христианские добродетели и пастырские способности требуют труда и приобретаются лишь с приложением усилий. Каждый священник должен обучаться служению, связанному с таинством покаяния, начиная с лет своего обучения в семинарии, не только посредством изучения догматического, нравственного, духовного и пастырского богословия (которые являются простыми частями единого целого), но посредством изучения наук о человеке, подготовки в области ведения диалога и особенно в области работы с людьми в контексте пастырской деятельности. Кроме того, им должны руководить и наблюдать за ним при начале его деятельности. Он всегда должен трудиться ради своего усовершенствования и обновлять свои навыки путем постоянного обучения. Какое изобилие благодати, подлинной жизни и духовного сияния изольется на Церковь, если каждый священник будет заботиться о том, чтобы по небрежности или другим причинам не упустить возможности встретиться с верным в исповедальне и если он еще в большей степени будет заботиться о том, чтобы никогда не входить в него неподготовленным и не обладая необходимыми человеческими качествами, а также духовной и пастырской подготовкой!

В этой связи я не могу не напомнить с благоговейным восхищением примеров таких исключительных «апостолов исповедальни», как св. Ян Непомуцкий, св. Иоанн Вианней, св. Иосиф Кафассо и св. Леопольд из Кастельнуово, - и это если упоминать лишь о наиболее известных исповедниках, причтенных Церковью к лику ее святых. Но я также хочу воздать дань уважения неисчислимому множеству святых и почти всегда неизвестных исповедников, которым обязаны своим спасением столь многие души, получившие от них помощь в достижении обращения, в борьбе с грехом и искушением, в духовном росте – одним словом, в обретении святости. Я без колебаний говорю, что даже величайшие канонизированные святые, как правило приходили к святости через их исповедальни, и не только святые, но и духовное наследие Церкви и расцвет цивилизации, пронизанной христианским духом, вышли из них! Поэтому восхвалим эту молчаливую армию наших братьев, славно послуживших и каждый день служащих делу примирения, совершая таинство покаяния!

Таинство прощения

30. Из откровения о ценности этого служения и из власти прощать грехи, которой Христос наделил Своих апостолов и их преемников, Церковь получила знание о знамении прощения, даваемого в таинстве покаяния; а значит и уверенность, что Сам Господь Иисус установил и вверил Церкви – как дар Своей благодати и любящей доброты (172), который будет предлагаться всем – особое таинство прощения грехов, совершенных после крещения.

В том, что касается формы и манеры совершения этого таинства, оно прошло долгий процесс развития, что подтверждается древними сакраментариями, документами соборов и синодов епископов, проповедями Отцов и учением Учителей Церкви. Но сущность таинства всегда

оставалась прочной и неизменной в сознании Церкви, в убеждении о том, что по воле Христа, прощение предлагается каждому человеку посредством таинственного отпущения грехов, даваемого совершителем таинства покаяния. Это убеждение с особой силой было подтверждено как Тридентским (173), так и Вторым Ватиканским Соборами: «Те, кто приступает к таинству покаяния, милосердием Божиим получают отпущение причиненных Ему обид и в то же время примиряются с Церковью, которой они нанесли раны своими грехами и которая содействует их обращению своей любовью, примером и молитвами» (174). И в качестве существенного элемента веры, касающегося ценности и цели покаяния, следует еще раз подтвердить, что наш Спаситель, Иисус Христос, установил в Своей Церкви таинство покаяния, чтобы верные, впавшие в грех после крещения могли получить благодать и примириться с Богом (175).

Вера Церкви в это таинство включает в себя некоторые другие основополагающие истины, которыми нельзя пренебрегать. Чин таинства покаяния, в своем развитии и в разнообразии своих существующих форм, всегда хранил и подчеркивал эти истины. Рекомендую произвести реформу этого обряда, Второй Ватиканский Собор намеревался достичь еще более ясного выражения им этих истин (176), и так и произошло в новом Чине Покаяния (177). Ибо он усвоил себе все учение, сведенное воедино Тридентским Собором, отделив его от связанного с этим Собором особого исторического контекста (а именно решительных усилий, направленных на прояснение вероучения перед лицом серьезных отклонений от подлинного учения Церкви), с тем, чтобы верно передать его более соответствующими контексту нашего времени словами.

Некоторые основополагающие убеждения

31. Истины, о которых упоминалось выше, решительно и ясно подтвержденные Синодом и изложенные в его предложениях могут быть кратко изложены в виде следующих убеждений веры, с которыми связаны все иные утверждения католического вероучения в отношении таинства покаяния.

I. Первое убеждение состоит в том, что для христианина таинство покаяния является важнейшим путем получения прощения и отпущения серьезных грехов, совершенных после крещения. Разумеется, Спаситель и его спасительное дело не настолько связаны с таинственным знаком, чтобы они не могли в любой период истории спасения действовать вне и помимо таинств. Но в школе веры мы узнаем, что Спаситель пожелал и устроил, чтобы простые и точно установленные таинства веры могли обычно быть тем действующим средством, посредством которого искупительная сила передается и действует. Поэтому было бы глупо и самонадеянно без достаточных оснований пренебрегать этими средствами дарования благодати и спасения, данными Богом, и, в некоторых случаях, притязать на получение прощения не прибегая к таинству, особо установленному для этого Христом. Обновление обрядов, осуществленное после Собора не предполагает каких-либо иллюзий или перемен в этом отношении. В соответствии с намерением Церкви, оно было направлено и направлено на то, чтобы побудить каждого из нас к новому устремлению к обновлению нашего внутреннего состояния; к более глубокому пониманию природы таинства покаяния;

ко в большей степени исполненному верой, не тревожному, но доверчивому восприятию таинства; к более частому совершению этого таинства с пониманием того, что оно исполнено милосердной любви Христовой.

II. Второе убеждение касается воздействия таинства покаяния на тех, кто к нему прибегает. В соответствии с древнейшим представлением, это таинство является неким судебным действием; но имеющим место в милосердном, скорее чем в строгом и неумолимом суде, в суде, который лишь по аналогии сравним с судами человеческими, поскольку грешники открывают там свои грехи и свое состояние существ, подверженных греху; они устремляются к отказу от греха и к борьбе с ним; принимают наказание (предписываемую в таинстве епитимию), которое налагает на них исповедни и получают от него отпущение грехов.

Но размышляя над воздействием этого таинства, сознание Церкви усматривало в нем, помимо характера судебного, в том смысле, о котором мы только что говорили, целительный или врачебный характер. Это связано с тем, что Евангелие часто представляет Христа Врачом (179), а его спасительное дело часто, со времен христианской древности, именуется “*medicina salutis*” (спасительным лечением). «Я желаю исцелять, а не обвинять», говорил св. Августин, имея в виду осуществление пастырской деятельности в обрасти покаяния (180), и именно благодаря целительному действию исповеди опыт греха не перерастает в опыт отчаяния (181). Чин Покаяния указывает на этот целительный аспект таинства (182), по отношению к которому современный человек, возможно, более чувствителен, видя во грехе некую ошибку, но еще более слабость и уязвимость человека.

В каком бы качестве не рассматривалось таинство, как милосердный суд или как место духовного исцеления, оно требует знания сердца грешника, чтобы можно было судить и отпускать грехи, исцелять и врачевать. Именно по этой причине таинство включает полную и искреннюю исповедь грехов со стороны грешника. Посему она имеет разумное основание и осуществляется не только из аскетических соображений (для упражнения в смирении), но принадлежит к самой природе таинства.

III. Третье убеждение, которое я хочу подчеркнуть, касается тех частей таинства, которые составляют таинственный знак прощения и примирения. Некоторые из них – это акты кающегося, имеющие различную степень значимости, каждый из которых необходим или для действительности, или для полноты или для плодотворности знака.

Прежде всего, необходимым условием является честная и ясная совесть кающегося. Люди не могут придти к истинному и подлинному раскаянию, пока не поймут, что грех противоречит этическим нормам, запечатленным в их глубинной сущности (183), пока они не согласятся с тем, что они лично испытали это противоречие и отвечают за него; пока не согласятся, что грех внес разделение в их сознание, затрагивающее все их существо и отделяющее их от Бога и от их братьев и сестер. Таинственным знаком этой ясности совести является акт, традиционно именуемый испытанием совести, акт, который никогда не должен превращаться в тревожную психологическую интроспекцию, но должен быть искренним и спокойным

сопоставлением себя с внутренним нравственным законом, с евангельскими нормами, предлагаемыми Церковью, с Самим Христом, нашим Наставником и жизненным примером, и с Отцом Небесным, призывающим нас к благу и совершенству (184).

Но сущностно необходимым актом покаяния со стороны кающегося является сожаление о грехах, ясное и решительное отвержение совершенных грехов, сопровождаемое решением не совершать их снова (185), из любви к Богу, которая возрождается с раскаянием. Понимаемое таким образом, сожаление о грехах – это начало и центр обращения, того евангельского *metanoia*, которое приводит личность человека назад к Богу, подобно блудному сыну, вернувшемуся к отцу, и которое имеет в таинстве покаяния собственный видимый знак в совершенном сокрушении. Итак, «от этого сокрушения сердца зависит подлинность покаяния» (186).

Повторяя все, чему Церковь, вдохновляемая словом Божиим, учит в отношении сожаления о грехах, я особенно хотел бы подчеркнуть один из аспектов этого учения, который следовало бы лучше узнать и глубже осмыслить. Обращение и сокрушения часто рассматриваются в связи с теми непреложными требованиями, которые они предъявляют и в связи с тем смирением, которого они ожидают ради радикального изменения жизни. Но следовало бы лучше помнить и чаще подчеркивать то, что сожаление о грехах и обращение в еще большей степени являются приближением к святости Божией, открытием своего подлинного “я”, которое было расстроено и нарушено грехом, освобождением своего глубинного существа и, таким образом, возвращением утраченной радости, радости быть спасенным (187), которую большинство людей нашего времени более неспособны испытывать.

Поэтому мы понимаем, почему с древнейших времен христианства, следуя Христу и апостолам, Церковь включала в таинственный знак покаяния исповедание грехов. Оно приобрело такое значение, что на протяжении столетий сами названием таинства было и остается слово “исповедь”. Исповедание грехов требуется, прежде всего, потому тот, кто в таинстве исполняет роль судьи, должен знать грешника. Он должен оценить как серьезность греха, так и степень раскаяния кающегося; он также исполняет роль целителя и должен ознакомиться с состоянием больного, чтобы врачевать и исцелять его. Но личное исповедание грехов также обладает ценностью знака: знака встречи грешника с посредничеством Церкви в личности ее служителя, знака того, что человек открывает самого себя как грешника перед лицом Бога и Церкви, осознает что в очах Бога он находится он грешник. Исповедание грехов поэтому не может быть сведено лишь к простой попытке психологического самоосвобождения, даже если оно и соответствует законной и естественной потребности открывать себя перед другим, присущей человеческому сердцу. Это литургический акт, торжественный в своей драматичности, однако смиренный и трезвый, при всем своем величественном значении. Это акт блудного сына, возвращающегося к своему Отцу, и принимаемого им с лобзанием мира. Это акт честности и мужества. Это акт вверения себя, после совершения греха, милосердию и прощению (188). Мы понимаем поэтому, почему исповедание грехов должно в обычном случае быть индивидуальным, а не коллективным, ведь грех имеет глубоко личную природу. Но в то же время это исповедание изгоняет грех из сокровенных глубин сердца, а значит и из области

исключительно индивидуальной, подчеркивая также и его общественный характер, ибо это церковная община, уязвленная грехом, в лице служителя таинства покаяния вновь принимает раскаявшегося и прощенного грешника.

Другой важный этап таинства покаяния, на сей раз – осуществляемый исповедником, как судьей и врачом, образом Бога Отца, принимающего и прощающего того, кто вернулся, это – отпущение грехов. Слова, выражающие его и сопутствующие им жесты просты в своей величественности и в старом, и в новом Чине Покаяния. Таинственная формула “я отпускаю тебе грехи”, возложение руки и осенение кающегося крестным знаменем показывают, что в этот момент сокрушенный и обратившийся грешник соприкасается с Божьей властью и Божьим милосердием. Это тот момент в который, отвечая кающемуся, Святая Троица является, чтобы изгладить грех и восстановить невинность. И спасительная сила страданий, смерти и воскресения Христа также сообщается кающемуся как “милосердие, более сильное, чем грех и преступление”, как я описывал это в моей энциклике *Dives in Misericordia*. Прежде всего именно Бог всегда оскорбляется грехом – «Тебе единому согрешил» – и лишь Бог может его простить. Поэтому отпущение грехов, даваемое кающемуся священником, служителем прощения, хотя он и сам - грешник, является действенным знаком вмешательства Отца при каждом отпущении и знаком «воскресения» от «духовной смерти», которое возобновляется всякий раз при совершении таинства покаяния. Лишь вера может наделить нас уверенностью в в этот момент всякий грех прощается и изглаживается таинственным действием Спасителя.

Удовлетворение – это последний акт, который увенчивает таинственный знак покаяния. В некоторых странах деяние, которое прощенный и кающийся соглашается исполнить после получения отпущения называется просто «покаяние». Каково значение этого удовлетворения за грехи, которое приносит человек, или совершаемого им «покаяния»? Разумеется, это не цена, которую надо заплатить за отпущенный грех и полученное прощение: человек не мог бы оплатить полученное, приобретенное ценой драгоценной Христовой Крови. Акты удовлетворения за грехи, которые, оставаясь простыми и смиренными, должны более ясно выражать то, что они означают, имеют несколько различных значений. Они являются знаком личного обещания начать новую жизнь, данного христианином Богу в таинстве (и поэтому они не должны сводиться просто к повторению определенной формулы, но должны состоять из молитвы, дел любви, милосердия или возмещения нанесенного ущерба). Они включают понимание того, что прощенный грешник может в своем телесном и духовном смирении, которого он ищет или, хотя бы, которое он принимает, соединиться со страданием Иисуса, обретшего для него прощение. Они напоминают нам о том, что даже после отпущения во христианине остается темная область, уязвленная грехом, несовершенством любви в раскаянии, ослаблением духовных способностей. Это область, в которой все еще действует заразный источник греза, с которым следует бороться посредством смирения и покаяния. Таково значение простого, но искреннего акта удовлетворения за грехи (189).

IV. Остается кратко упомянуть о других важных убеждениях, касающихся таинства покаяния.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ничто не является более личным и глубоким, чем это

таинство, в котором грешник один встает лицом к лицу с Богом со своим грехом, своим раскаянием и своим доверием. Никто не может раскаяться за него и от его имени просить прощения. Имеет место определенная изоляция грешника в его грехе, и мы можем видеть это ясно представленным на примере Каина, грех которого «у дверей лежит», о чем так ярко рассказывает Книга Бытия, и особого знамения на его челе (190), и на примере Давида, обличаемого пророком Нафаном (191), или блудного сына, когда он понимает то состояние, в которое сам себя вверг, отделившись от отца, и решает возвратиться к нему (192). Все это происходит между отдельным человеком и Богом. Но в то же время невозможно отрицать общественную природу этого таинства, в котором вся Церковь – воинствующая, страдающая и прославленная на небесах – приходит на помощь кающемуся и принимает его вновь в свое лоно, особенно в связи с тем, что вся церковь была оскорблена и уязвлена грехом. Как служитель таинства покаяния, священник в силу своего священного сана является свидетелем и представителем этой церковной природы таинства. Индивидуальная и церковная стороны природы этого таинства являются двумя его взаимодополняющими аспектами, которые последовательная реформа Чина Покаяния, особенно указания, содержащиеся в *Ordo Paenitentiae*, выпущенном Папой Павлом VI, стремились подчеркнуть и более ясно отразить в способе его совершения.

V. Далее, следует подчеркнуть, что наиболее драгоценным результатом прощения, полученного в таинстве покаяния, является примирение с Богом, происходящее в глубине сердца сына, который был потерян и вновь обретен, каким является каждый кающийся. Но необходимо добавить, что это примирение с Богом ведет к другим видам примирения, устраняющим разрывы, причиненные грехом. Прощенный кающийся примиряется с самим собой в глубине своего существа, вновь обретая свое подлинное «я». Он примиряется со своими братьями, которых он некоторым поразил и уязвил. Он примиряется с Церковью. Он примиряется со всем творением.

В результате осознания этого, при завершении совершения таинства в кающемся возникает чувство благодарности Богу за полученный им дар божественного милосердия, и Церковь приглашает кающегося принять это чувство благодарности.

Каждая исповедальня – это особое и благословенное место, в котором, когда изглаживаются разделения, рождается новый, незапятнанный и примиренный человек – и примиренный мир!

VI. Наконец, я особо желал бы сказать об одном последнем соображении, которое касается всех нас, священников, являющихся служителями таинства покаяния (193). Совершение священником Евхаристии и других таинств, его пастырская ревность, его отношения с верными и общение с собратьями во священстве, его сотрудничество со своим епископом, его молитвенная жизнь – одним словом, все его существование как священника идет к неминуемому упадку, если по небрежности или в силу каких-либо иных причин он не приступает регулярно к таинству покаяния в духе подлинной веры и благочестия. Если священник не будет приступать к исповеди и должным образом исповедовать свои грехи, это очень скоро отразится на его бытии и деятельности в качестве священника, и будет также

замечено и общиной, пастырем которой он является.

Также я добавлю, что даже для того, чтобы быть хорошим и действенным служителем таинства покаяния священнику необходимо обращаться к источнику благодати и святости, сокрытом в этом таинстве. Мы, священники, на основании личного опыта можем с уверенностью сказать, что чем усерднее мы прибегаем к таинству покаяния, приступая к нему часто и с должным расположением, тем лучше мы сможем исполнять наше служение исповедников, с уверенностью, что наши кающиеся получают от этого пользу. И, с другой стороны, это служение утратит большую часть своей действенности, если мы в чем-либо перестанем быть кающимися должным образом. Такова внутренняя логика этого великого таинства. Это призывает всех нас, священников Христа, с новым вниманием отнестись к нашей личной исповеди.

Личный опыт, в свою очередь, становится и должен становиться сегодня стимулом для усердного, регулярного, терпеливого и ревностного совершения священного служения таинства покаяния, которое нам вверено в силу самого нашего священства и нашего призвания пастырей и служителей наших братьев и сестер. Также в настоящем документе я хотел бы обратиться с настойчивым призывом ко всем священникам мира, особенно к моим собратьям во епископстве и к пастырям душ, – с призывом сделать все возможное, чтобы побудить верных пользоваться этим таинством. Я прошу их использовать все возможные и подобающие средства, чтобы по возможности большее число наших братьев и сестер получили «данную нам благодать» посредством таинства покаяния, ради примирения каждой души и всего мира с Богом во Христе.

Формы совершения таинства

32. В соответствии с предложениями Второго Ватиканского Собора, в Чин Покаяния были включены три формы чинопоследования, которые, в неизменности сохраняя основополагающих элементы таинства покаяния, дают возможность приспособить форму его совершения к конкретной пастырской ситуации.

Первая форма – примирение отдельных кающихся - это единственный повседневный и нормативный способ совершения таинства, и нельзя допускать, чтобы он вышел из употребления или чтобы им пренебрегали. Вторая форма – примирение нескольких кающихся с совершением индивидуальной исповеди и индивидуальным отпущением. Даже если в подготовительной части эта форма помогает больше подчеркнуть общинные аспекты таинства, она тождественна первой форме в отношении наивысшего таинственного момента, а именно индивидуальной исповеди и индивидуального отпущения грехов. Поэтому в том, что касается нормативности этого чинопоследования, оно может рассматриваться как идентичное первой форме. Однако третья форма – примирение множества кающихся посредством общей исповеди и общего отпущения – имеет исключительный характер. Поэтому ее употребление не оставлено на свободное усмотрение пастырей, а регламентировано особыми дисциплинарными нормами.

Первая форма дает возможность подчеркнуть более личные – и основополагающие – аспекты, входящие в процесс покаяния. Диалог между кающимся и исповедником, совокупность используемых элементов (библейские тексты, выбор форм «удовлетворения» и т.п.) делает совершение таинства более соответствующим конкретной ситуации кающегося. Ценность этих элементов становится понятной при размышлении о различных причинах, приводящих христианина к таинственному покаянию: потребность в личном примирении с Богом и возобновлении дружбы с ним путем возвращения благодати, утраченной в грехе; потребность оценить свое духовное продвижение и, иногда, потребность в более точном определении своего призвания; во многих случаях потребность и желание выйти из состояния духовной апатии и их религиозного кризиса. Кроме того, благодаря своему индивидуальному характеру, первая форма совершения таинства позволяет связать его с тем, что от него отличается, но с легкостью с ним соединяется: я имею в виду духовное руководство. Итак, несомненно верно, что личностное решение и действие подчеркиваются и утверждаются в этой первой форме совершения таинства.

Вторая форма его совершения, благодаря своему особому измерению, также подчеркивает некоторые аспекты огромной важности. Слово Божье, которому внимают сообща, более действенно, чем при индивидуальном чтении и лучше подчеркивает церковный характер обращения и примирения. Оно особенно значимо в различные периоды литургического года и в связи с событиями, имеющими особое пастырское значение. Единственный момент, который необходимо здесь отметить, заключается в том, что для совершения таинства согласно второй форме должно присутствовать соответствующее число исповедников.

Поэтому естественно, что критерии для определения того, какую из двух этих форм избрать, должны определять не ситуативными и субъективными причинами, но желанием обеспечить подлинное духовное благо верных в послушании покаянной дисциплине Церкви.

Уместно также напомнить, что, дабы избирались взвешенные пастырские и духовные ориентиры, следует придавать большое значение тому, чтобы верующие были наставляемы обращаться к таинству покаяния даже в случае одних простительных грехов. Этот обычай подкрепляется вековой веручительной традицией и практикой Церкви.

Хотя Церковь знает и учит, что простительные грехи прощаются и иным образом, например, посредством актов сожаления о грехах, дел любви, молитвы, покаянных обрядов – она не перестает напоминать всем об особой пользе, получаемой от таинства также и в этом случае. Частое обращение к таинству покаяния – уже обычное для некоторых категорий верных – укрепляет осознание того, что даже малые грехи оскорбляют Бога и уязвляют Церковь, Тело Христово. Совершение таинства становится, поэтому, для верных «возможностью и стимулом для того, чтобы ближе подойти ко Христу и сделаться более восприимчивыми к голосу Духа» (194). Прежде всего необходимо подчеркнуть, что благодать, присущая совершению таинства, обладает огромной целительной силой и помогает устранить самые корни греха.

Внимание к тому, как таинство покаяния в действительности совершается (195) – особенно

имея в виду значимость слова Божьего, которое читается, напоминается и разъясняется верным и вместе с ними, когда это возможно и уместно – поможет вдохнуть новую жизнь в практику этого таинства и предотвратить превращение ее в простую формальность и рутину. Это поможет кающемуся лучше осознать, что он участвует в спасительном событии, способном вдохнуть в него новую жизнь и даровать подлинный мир его сердцу. Заботливое внимание к тому, как совершается таинство, также приведет к установлению в отдельных храмах для его совершения особого времени. Оно также побудит учить верных, особенно детей и молодых людей, придерживаться этого установленного времени, за исключением случаев особой необходимости, при которых приходской священник должен всегда являть готовностью принять каждого, кто к нему приходит.

Совершение таинства покаяния с общим отпущением грехов

33. Новые литургические установления и вышедший позже Кодекс Канонического Права (196) определяют условия, которые делают законным использование «чинопоследования примирения нескольких кающихся с общей исповедью и общим отпущением грехов». Нормы и указания, даваемые по этому поводу, являются итогом зрелых и взвешенных размышлений, должны приниматься и использоваться таким образом, чтобы избегать любых произвольных толкований.

Уместно более глубоко поразмыслить об основаниях, с учетом которых указывается совершать таинство покаяния в одной из первых двух форм, и допускается использовать третью. Прежде всего, одним из таких оснований является верность воле Господа Иисуса, переданной учением Церкви, а также послушание законам Церкви. Синод повторил в одном из своих предложений неизменное учение, соответствующее древнейшим традициям Церкви, и входящее в закон, в котором Церковь упорядочила древние покаянные практики: индивидуальное и полное исповедание грехов и индивидуальное отпущение грехов – это единственный ординарный путь, следуя которому верный, осознающий, что совершил серьезный грех, может примириться с Богом и Церковью. Из этого подтверждения учения Церкви ясно, что каждый серьезный грех всегда должен быть упомянут в индивидуальной исповеди, с указанием относящихся к нему важных обстоятельств.

Существует и такое основание, как пастырский порядок. Хотя и верно, что когда возникают условия, предусмотренные каноническими нормами, может использоваться третья форма совершения таинства покаяния, нельзя забывать, что эта форма не может стать ординарной, и не может и не должна использоваться – как повторяет Синод – за исключением «случаев крайней необходимости». При этом остается в силе обязанность, прежде следующего получения общего отпущения, совершить индивидуальное исповедание серьезных грехов. Поэтому епископ, являющийся единственной властью в своем диоцезе, способной определять, действительно ли существуют условия, установленные в каноническом праве для совершения таинства согласно третьей форме, принимает соответствующее решение, подходя к этому с большой ответственности и по совести, всецело следуя закону и обычаю Церкви, а также учитывая критерии и указания, в отношении которых – на основе вероучительных и пастырских соображений, разъясненных

выше – достигнуто соглашение с другими членами соответствующей Конференции Епископов. Также всегда будет оставаться предметом подлинной пастырской заботой установление и обеспечение условий, при которых обращение к третьей форме совершения таинства способно принести те духовные плоды, ради которых оно осуществляется. Использование в виде исключения третьей формы совершения таинства не должно приводить к тому, чтобы менее ценились ординарные формы его совершения, а тем более к оставлению их употребления; оно не должно также вести к тому, чтобы третья форма рассматривалась как альтернатива двум другим. В действительности выбор из числа существующих форм той, которая считается наиболее уместной, не оставлен на свободное усмотрение пастырей и верных. Обязанностью пастырей остается содействовать тому, чтобы верующие осуществляли полное и индивидуальное исповедание грехов, которое является не только обязанностью верных, но и их нерушимым и неотъемлемым правом, не говоря уже о том, что оно иногда является потребностью души. Верные же, со своей стороны, обязаны при использовании третьей формы совершения таинства следовать всем нормам, которые установлены для таких случаев, в том числе не прибегать снова к общему отпущению, не совершив прежде обычного полного и индивидуального исповедания грехов, причем оно должно совершаться как можно раньше. Прежде, чем даровать общее отпущение грехов, священник должен сообщить верующим об этом правиле и об обязанности следовать ему, и наставить их в этом отношении.

Напоминая таким образом о вероучении Церкви и о церковном законе, я желаю привить всем живое чувство ответственности, которое должно направлять нас, когда мы имеем дело со священными вещами: такими как таинства, что не принадлежат нам; или такими, как совесть, имеющая право, чтобы ее не оставляли в неопределенности и смущении. Я повторю: таинства и совесть священны, и от нас требуется служить им в истине.

На этом основано церковное право.

Некоторые более трудные случаи

34. Я считаю своим долгом упомянуть здесь, хотя бы кратко, пастырскую проблему, которой – насколько это было возможно – занимался Синод, и которую он рассматривает в одном из своих предложений. Я имею в виду определенные ситуации, нередко случающиеся сегодня, касающиеся христиан, которые желают продолжать принимать участие в таинствах, но которые не могут делать этого из-за того состояния, в котором пребывают, и которое не соответствует обязательствам, свободно взятым ими на себя перед Богом и Церковью. Эти ситуации кажутся особенно непростыми и почти неразрешимыми.

Ряд выступлений во время работы Синода, выражая общую мысль отцов, подчеркивал, что одновременно существуют и влияют друг на друга два одинаково важных принципа, касающихся этих случаев. Первый – это принцип сострадания и милосердия, в соответствии с которым Церковь, продолжая присутствие и дело Христа в истории, не желает смерти грешника, но чтобы он обратился и был жив (197), и, заботясь о том, чтобы не трости надломленной не переломить и льна курящегося не угасить (198), всегда старается

предложить, насколько это возможно, путь возвращения к Богу и примирения с Ним. Второй – принцип истины и верности, следуя которому Церковь не согласна называть добро злом, или зло – добром. Опираясь на эти взаимодополняющие принципы, Церковь может лишь пригласить своих чад, оказавшихся в таких прискорбных ситуациях, обращаться к божественному милосердию иными путями, помимо таинств покаяния и Евхаристии, до тех пор, пока они не обретут требуемое ими расположение.

В связи с такими ситуациями, которые глубоко терзают также и наши пастырские сердца, я определенно обязан повторить ясные слова Апостольского обращения *Familiaris Consortio*, касающиеся разведенных и вступивших в повторный брак (199), а также христиан, сожительствующих в незаконном союзе.

Наряду с этим, вместе с Синодом, я полагаю себя обязанным призвать церковные общины, и особенно епископов, обеспечить всю возможную помощь тем священникам, что уклонились от серьезных обязательств, принятых на себя при рукоположении, и оказались в ненормальном положении. Никто из этих наших братьев не должен чувствовать себя оставленным Церковью.

Выражение материнской доброты Церкви ко всем тем, чье объективное состояние в настоящий момент не позволяет им прибегнуть к таинству покаяния, помощь, которую они могут обрести в делах благочестия иных, чем таинства, их искренние попытки поддерживать связь с Богом, посещение ими Мессы и частое повторение актов веры, надежды, любви и сожаления о грехах, совершенных настолько, насколько возможно, может подготовить для них путь осуществления полного примирения в известное лишь Провидению время.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НАДЕЖДЫ

35. В завершение этого документа я желаю повторить, обращаясь ко всем вам, увещание, которое первый епископ Рима, в трудное время начала истории Церкви, обратил к «пришельцам, рассеянным ... избранным по предведению Бога Отца...: будьте все единомысленны, сострадательный, милосерды, дружелюбны, смиренномудры» (200). Апостол призывает: «будьте единомысленны». Но сразу затем он продолжает, указывая на грехи против согласия и мира, которых следует избегать: «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение». И завершает он словом ободрения и надежды: «И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?» (201).

В не менее сложный исторический момент я дерзаю присоединить мое увещание к словам Князя Апостолов, первым занимавшего Римский Престол в качестве свидетеля Христа и пастыря Церкви, и «председествовавшего в любви» во всем мире. В общении с епископами, являющимися преемниками апостолов, и укрепляемый совместным размышлением, которое многие из них, встретившись на Синоде, посвятили вопросам и проблемам примирения, я также желаю обратиться к вам в духе галилейского рыбака, говорившего нашим братьям и сестрам, отдаленным от нас во времени, но тесно

соединенным с нами в сердце: «Будьте единомысленны... Не воздавайте злом за зло... будьте ревнителями доброго» (202). К этому он прибавлял: «Лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые» (203).

Это обращение всецело пронизано духом тех слов, которые Петр слышал от Самого Иисуса и теми понятиями, которые стали частью Его «благой вести»: новой заповеди о любви к ближнему, призывом к единству и заповеди о единстве, слов о блаженстве милостивых и преследуемых за правду, о воздаянии добром за зло, о прощении обид, о любви к врагам. В этих словах и понятиях заключается первоначальный и высший синтез христианской этики или, говоря более точно и более глубоко, духовности нового завета во Христе Иисусе.

Я веряю Отцу, богатому милосердием; Сыну Божьему, ставшему человеком, нашим Искупителем и Примирителем; Духу Святому, источнику единства и мира, этот мой призыв, призыв отца и пастыря к покаянию и примирению. Да соделает Пресвятая и досточтимая Троица так, чтобы то малое семя, которая я бросаю в щедрую почву множества человеческих сердец, возшло в Церкви и в мире.

Чтобы оно в не столь отдаленном будущем могло принести обильные плоды, я приглашаю всех вас присоединиться ко мне и обратиться к Сердцу Христову, выразительному символу божественного милосердия, «за грехи наши умилованию», «миру нашему и примирению» (204), чтобы мы обрели в Нем внутреннее мужество, нужное, чтобы возненавидеть грех и обратиться к Богу, и чтобы мы обрели в Нем божественную доброту, с любовью отвечающую на раскаяние человека.

Также я приглашаю вас вместе со мной обратиться к непорочному Сердцу Марии, Матери Иисуса, в которой «совершается примирение Бога с человечеством..., исполняется дело примирения, ибо она приняла от Бога полноту благодати благодаря искупительной жертве Христа» (205). Воистину Мария, благодаря своему Богоматеринству, пребывала в единстве с Богом, совершающим примирение (206).

В руки этой Матери, слова которой «да будет» ознаменовали начало той «полноты времен», по наступлении которой Христос совершил примирение человечества с Богом, ее Непорочному Сердцу, которому мы неоднократно вверяли все человечество, терзаемое грехом и страдающее от столь многих трудностей и конфликтов – я ныне особым образом вверяю свое намерение: дабы по ее ходатайству человечество смогло обрести путь покаяния, единственный путь, способный привести к полному примирению, и следовать по нему.

Всех вас, в духе церковного общения в послушании и вере (207) принимающих указания, предложения и распоряжения, содержащиеся в этом документе, и стремящихся воплотить их в жизнь в пастырской практике, я охотно благословляю своим апостольским благословением.

Дано в Риме у св. Петра, 2 декабря, в первое воскресенье Адвента,
в 1984 г., седьмом году моего понтификата.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

[1] Текст приведен по переводу «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа: под ред. Еп. Кассиана (Безобразова), Российское Библейское Общество, 1997», поскольку текст этого перевода ближе к оригиналу, а в синодальном переводе это место слишком далеко от смысла, подразумеваемого Апостольским обращением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мк. 1:15.

2. Ср. Папа Иоанн Павел II, Речь, открывающая Третью Генеральную Конференцию Епископата Латинской Америки: AAS 71 (1979), 198-204.

3. Понятие «разбитого мира» встречается в работах многих современных авторов, как христианских, так и нехристианских, свидетельствуя о состоянии человека в этот тяжелый исторический период.

4. Ср. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 3, 43 и 44; Декрет о служении и жизни священников *Presbyterorum Ordinis*, 12; Папа Павел VI, энциклика *Ecclesiam Suam*: AAS 56 (1964), 609-659.

5. В самом начале истории Церкви апостол Павел написал свои пламенные слова о разделении внутри тела Церкви, знаменитый текст из 1 Кор. 1:10-16. Спустя годы, св. Климент Римский также должен был писать Коринфянам, осуждая проблемы внутри общины: ср. Послание к Коринфянам, III-VI; LVII: *Patres Apostolici*, ed. Funk, I, 103-109; 171-173. Мы знаем, что со временем самых ранних Отцов Церкви несшитая риза Христова, которую не разорвали солдаты, стала образом единства Церкви: ср. Св. Киприан, *De Ecclesiae Catholicae Unitate*, 7: CCL 3/1, 254 и далее; Св. Августин, в *Ioannis Evangelium Tractatus*, 118, 4: CCL 36, 656 и далее; Св. Беда Достопочтенный, в *Marci Evangelium Expositio*, IV, 15: CCL 120, 630i в *Lucae Evangelium Expositio*, VI, 23: CCL 120, 403; в *S. Ioannis Evangelium Expositio*, 19: PL 92, 911 и далее.

6. Энциклика *Pacem in Terris*, духовное завещание Папы Иоанна XXIII-го, часто рассматривается как "документ социального характера" и даже как "политическое послание", и оно в действительности таково, если понимать эти слова в их самом широком смысле. Спустя более чем двадцать лет после опубликования этого документа очевидно, что он есть нечто большее, чем стратегия мирного сосуществования людей и народов; он является настойчивым напоминанием о высших ценностях, без которых мир на земле будет лишь мечтой. Одна из этих ценностей состоит в примирении людей между собой, и Иоанн XXIII часто обращался к этой теме. Говоря о Павле VI, достаточно будет напомнить, что призывая Церковь и мир к празднования Святого Года, пришедшегося на 1975 г, он пожелал, чтобы "обновление и примирение" стали главными идеями этого важного события. Нельзя забывать и о катехетических поучениях, которые он посвятил этой ключевой теме, в том числе и объясняя сам смысл юбилея.

7. Как я писал в Булле объявления Юбилейного Года Искупления: "Это особое время, когда все христиане призваны более глубоко понять что их призвание к примирению с Отцом в Сыне будет полностью осуществлено лишь если оно приведет к обновленному служению всех и каждого примирению – не только среди учеников Христа, но и среди всех мужчин и

женщин»: булла *Aperite Portas Redemptori*, 3: AAS 75 (1983), 93.

8. Точное название темы Синода было таково: "Примирение и покаяние в миссии Церкви".

9. Ср. Мф. 4:17; Мк. 1:15.

10. Ср. Лк. 3:8.

11. Ср. Мф. 16:24-26; Мк. 8:34-36; Лк. 9:23-25.

12. Еф. 4:23 и далее.

13. Ср. 1 Кор. 3:1-20.

14. Ср. Кол. 3:1 и далее.

15. "От имени Христова просим, примиритесь с Богом ": 2 Кор. 5:20.

16. "Мы... хвалимся Богом через Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирением ": Рим. 5:11; ср. Кол. 1:20.

17. Второй Ватиканский Собор отмечал: "В действительности тот разлад, от которого страдает современный мир, связан с другим, более глубоким разладом, коренящимся в сердце человека. Ибо в самом человеке противостоят различные стихии. С одной стороны, он в качестве сотворенного существа ощущает свою многообразную ограниченность; с другой стороны, он чувствует себя неограниченным в своих желаниях и призванным к высшей жизни. Влекомый многими вожделениями он постоянно принужден выбрать какое-то из них и отказаться от других. Мало того: немощный и грешный, нередко он делает то, чего не хочет, а что хотел бы сделать – не делает. (ср. Рим. 7:14 и далее). Поэтому он страдает от разделения в самом себе: из-за этого разделения возникают ... многочисленные раздоры в обществе". *Gaudium et Spes*, 10.

18. Ср. Кол. 1:19 и далее.

19. Ср. Папа Иоанн Павел II, Энциклика *Dives in Misericordia*, 5-6: AAS 72 (1980), 1193-1199.

20. Ср. Лк. 15:11-32.

21. В Ветхом Завете, Книга Пророга Ионы содержит чудесное предвестие и прообраз этого аспекта притчи.. Грех Ионы состоит в том, что он "сильно огорчился этим и был раздражен " поскольку Бог есть "Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеющий о бедствии». Его грех состоит также в том, что он сожалеет о растении, "которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало" и не понимает, что Бог жалеет Ниневию. Ср. Ион. 4.

22. Ср. Рим. 5:10 и далее; ср. Кол. 1:20-22.

23. Ср. 2 Кор. 5:18, 20.

24. Ин. 11:52.

25. Ср. Кол. 1:20.

26. Ср. Сир. 44:17.

27. Еф. 2:14.

28. Третья евхаристическая молитва.

29. Ср. Мф. 5:23 и далее.

30. Там же, 27:46; Мк. 15:34, Пс. 22(21):2.

31. Ср. Еф. 2:14-16.

32. Св. Лев Великий, *Tractatus 63 (De Passione Domini, 12)*, 6: CCL 138/A, 386.

33. Ср. 2 Кор. 5:18 и далее.

34. Догматическая конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 1.

35. "Церковь по своей природе всегда примиряет, передавая другим тот дар, который

получила сама, дар прощения и единения с Богом ": Папа Иоанн Павел II, Проповедь в Ливерпуле, 30 мая 1982: *Insegnamenti*, V, 2 (1982), 1992.

36. Ср. Деян. 15:2-33.

37. Ср. Апостольское обращение *Evangelii Nuntiandi*, 13: AAS 68 (1976), 12 и далее

38. Ср. Папа Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Catechesi Tradendae*, 24: AAS 71 (1979), 1297.

39. ср. Папа Павел VI, Энциклика *Ecclesiam Suam*: ASS 56 (1964), 609-659.

40. Ср. 2 Кор. 5:20.

41. Ср. 1 Ин. 4:8.

42. Ср. Прем. 11:23-26; Быт. 1:27; Пс. 8:4-8.

43. Ср. Прем. 2:24.

44. Ср. Быт. 3:12 и далее; 4:1-16.

45. Ср. Еф. 2:4.

46. Ср. там же, 1:10.

47. Ин 13:34.

48. Ср. Второй Ватиканский Собор, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*, 38.

49. Ср. Мк. 1:15.

50. Ср. 2 Кор. 5:20.

51. Ср. Еф. 2:14-16.

52. Ср. Св. Августин, *De Civitate Dei*, XXII 17: CCL 48, 835f; Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, III pars, q. 64, art. 2 ad tertium.

53. Ср. Папа Павел VI, Речь на закрытии Третьей Сессии Второго Ватиканского Собора, 21 ноября 1964: ASS 56 (1964), 1015-1018.

54. Второй Ватиканский Собор, Догматическая Конституция о Церкви *Lumen Gentium*, 39.

55. Там же, Декрет об экуменизме *Unitatis Redintegratio*, 4.

56.1 Ин. 1:8-9.

57. 1 Ин. 3:20; ср. мое обращение к этому текстам в моем Обращении на общей аудиенции 14 марта 1984: *Insegnamenti*, VII, 1 (1984) 683.

58. Ср. 2 Цар. 11-12.

59. Ср. Пс. 50(51):3-4.

60. Ср. Лк. 15:18, 21.

61. *Lettere*, Florence 1970, I, pp.3f; *II Dialogo della Divina Provvidenza*, Rome 1980, *passim*.

62. Ср. Рим. 3:23-26.

63. Ср. Еф. 1:18.

64. Ср. Быт. 11:1-9.

65. Ср. Пс. 127 (126):1.

66. Ср. 2 Фес. 2:7.

67. Ср. Рим. 7:7-25; Еф. 2:2; 6:12.

68. Имеет значение терминология, используемая в греческой Септуагинте и в Новом Завете для обозначения греха. Наиболее общий термин, означающий грех, это слово «hamartia», и разные производные от него. Оно обозначает понятие «более или менее тяжкое преступление против нормы закона, личности или божества». Но грех именуется также словом «adikia», подразумевающим несправедное действие. Библия говорит также о «parabasis» (прегрешении),

- «asebeis» (неблагочестии) и других понятиях. Все они отражают образ греха.
69. Быт. 3:5: "И будете как боги, знающие добро и зло"; ср. также стих 22.
70. Ср. там же, 3:12.
71. Ср. там же, 4:2-16.
72. Выражение, впервые использованное французской писательницей Elizabeth Leseur, *Journal et Pensees de Chaque Jour*, Paris 1918, p. 31.
73. Ср. Мф. 22:39; Мк. 12:31; Лк. 10:27 и далее.
74. Ср. Священная Конгрегация вероучения: *Instruction on Certain Aspects of the Инструкция о некоторых аспектах теологии освобождения*; 6 августа 1984 IV, 14-15: ASS 76 (1984), 885 и далее
75. Ср. Чис. 15:30.
76. Ср. Лев. 18:26-30.
77. Ср. там же, 19:4.
78. Ср. там же, 20:1-7.
79. Ср. Исх. 21:17.
80. Ср. Лев. 4:2 и далее; 5:1 и далее; Чис. 15:22-29.
81. Ср. Мф. 5:28; 6:23; 12:31 и далее; 15:19; Мк. 3:28-30; Рим. 1:29-31; 13:13; Иак. 4.
82. Ср. Мф. 5:17; 15:1-10; Мк. 10:19; Лк. 18:20.
83. Ср. 1 Ин. 5:16 и далее.
84. Ср. 1 Ин. 17:3.
85. Ср. 1 Ин. 2:22.
86. Ср. 1 Ин. 5:21.
87. Ср. 1 Ин. 5:16-21.
88. Ср. Мф. 12:31 и далее
89. Ср. Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae* II-II, q. 14, aa. 1-8.
90. Ср. 1 Ин. 3:20.
91. Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, II-II, q. 14, a. 3, ad primum.
92. Ср. Фил. 2:12.
93. Ср. Св. Августин, *De Spintu et Littera*, XXVIII: CSEL 60, 202 и далее; *Enarrat.* в ps. 39, 22: CCL 38, 441; *Enchiridion ad Laurentium de Fide et Spe et Cantate*, XIX, 71: CCL 46, 88; в *Ioannis Evangelium Tractatus*, 12, 3,14: CCL 36, 129.
94. Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, I-II, q. 72, a. 5.
95. Ср. Тридентский Собор, Сессия VI, *De Iustificazione*, гл. 2 и каноны 23, 25, 27: *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, Bologna 1973, 671 и 680 и далее (DS 1573, 1575,1577).
96. Ср. Тридентский Собор, Сессия IV *De Iustificazione*, гл. 15: *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, ed. dt. 677 (DS 1544).
97. Папа Иоанн Павел II, поучение при молитве «Ангел Господень» 14 марта 1982: *Insegnamenti V*, 1 (1982),861.
98. *Gaudium et Spes*, 16.
99. Папа Иоанн Павел II, поучение при молитве «Ангел Господень» 14 марта 1982: *Insegnamenti V*, 1 (1982),860.
100. Папа ПийXII, Радиообращение к участникам Национального Катехетического Конгресса США в Бостоне (26 октября 1946): *Discorsi e Radiomessaggi VIII* (1946) 288.
101. Ср. Папа Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptor Hominis*, 15: AAS 71 (1979), 286-289.

102. Ср. *Gaudium et Spes*, 3; Ср. 1 Ин. 3:9.
103. Папа Иоанн Павел II, Обращение к епископам восточной части Франции (1 апреля 1982), 2: *Insegnamenti V*, 1 (1982), 1081.
- 104.1 Тим. 3:15 и далее.
105. Текст представляет определенную сложность, поскольку относительное местоимение, с которого начинается буквальный перевод не согласована с сущ. ср. р. «mysterion». Некоторые более поздние рукописи изменяют текст, исправляя грамматику. Но намерение св. Павла состояло в том, чтобы вслед за написанным им привести этот досточтимый текст, игравший для него пояснительную роль.
106. Раннехристианская община выражает свою веру в распятого и прославленного Христа, Господа, Которому поклоняются ангелы. Но этот текст поражает фразой о «явлении во плоти»: то, что Сын Божий стал Человеком есть «великая тайна».
107. 1 Ин. 5:18 и далее.
108. Там же, 3:9.
109. 1 Тим 3:15.
110. 1 Ин. 1:8.
111. Там же, 5:19.
112. Ср. Пс. 51(50):5.
113. Ср. Еф. 2:4.
- 114 Ср. Папа Иоанн Павел II, *Dives in Misericordia*, 8; 15: AAS 72 (1980), 1203-1207; 1231.
115. 2 Цар. 12:13.
116. Пс. 51(50):3.
117. Там же, 51(50):7.
118. 2 Цар. 12:13.
119. Ср. 2 Кор. 5:18.
120. Ср. 2 Кор. 5:19.
121. *Gaudium et Spes*, 92.
122. Декрет о пастырском служении епископов в Церкви *Christus Dominus*, 13; Ср. Декларация о христианском образовании *Gravissimum Educationis*, 8; Декрет о миссионерской деятельности Церкви *Ad Gentes*, 11-12.
123. Ср. Папа Павел VI, *Ecclesiam Suam*, III: AAS 56 (1964), 639-659.
124. *Lumen Gentium*, 1, 9,13.
125. Папа Павел VI, Апостольское обращение *Paterna Cum Benevolentia*: AAS 67 (1975), 5-23.
126. Ср. *Unitatis Redintegratio*, 7-8.
127. Там же, 4.
128. Св. Августин, *Sermo* 96, 7: PL 38, 588.
129. Папа Иоанн Павел II, Речь, обращенная к членам дипломатического корпуса, аккредитованным при Святом Престоле (15 января 1983), 4, 6, 1 1: AAS 75 (1983), 376, 378 и далее, 381.
130. Папа Иоанн Павел II, Проповедь на Мессе в 16-й всемирный День мира (1 января 1983), 6: *Insegnamenti VI*, 1 (1983), 7.
131. Папа Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii Nuntiandi*, 70: AAS 68 (1976), 59 и далее.
132. 1 Тим. 3:15.

133. Ср. Мф. 5:23 и далее.
134. Ср. там же, 5:38-40.
135. Ср. там же, 6:12.
136. Ср. там же, 5:43 и далее.
137. Ср. там же, 18:21 и далее.
138. Ср. Мк. 1:14; Мф. 3:2; 4:17; Лк. 3:8.
139. Ср. Лк. 15:17.
140. Там же, 17:3 и далее.
141. Ср. Мф. 3:2; Мк. 1:2-6; Лк. 3:1-6.
142. Ср. *Gaudium et Spes*, 8, 16, 19, 26, 41,48.
143. Ср. Декларация о религиозной свободе *Dignitatis Humanae*, 2, 3, 4.
144. Ср., наряду со многими другими, обращения на общей аудиенции 28 марта 1973: *Insegnamenti XI* (1973),294 и далее; 8 августа 1973: там же, 772 и далее, 7 ноября 1973: там же, 1054 и далее; 13 марта 1974: *Insegnamenti XII* (1974), 230 и далее; 8 мая 1974: там же, 402 и далее; 12 февраля 1975: *Insegnamenti XIII* (1975), там же, 290 и далее; 13 июля 1977: *Insegnamenti XV* (1977), 710 и далее.
145. Ср. Папа Иоанн Павел II, поучение при молитве «Ангел Господень» 17 марта 1982: *Insegnamenti V*, 1 (1982), 860 и далее.
146. Ср. Папа Иоанн Павел II, Обращение на общей аудиенции 17 августа 1983, 1-3: *Insegnamenti VI*, 2 (1983), 256 и далее.
147. Евр. 4:15.
148. Ср. Мф. 4:1-11; Мк. 1:12 и далее; Лк. 4:1-13.
149. Ср. 1 Кор. 10:13.
150. Ср. Мф. 6:13; Лк. 11:4.
151. 1 Пет. 3:21.
152. Ср. Рим. 6:3 и далее; Кол. 2:12.
153. Ср. Мф. 3:11; Лк. 3:16; Ин. 1:33; Деян. 1:5; 11:16.
154. Ср. Мф. 3:15.
155. Св. Августин, в *Ioannis Evangelium Tractatus*, 26, 13: CCL 36, 266.
156. Священная Конгрегация обрядов, Инструкция о богослужении Евхаристической тайны *Eucharisticum Mysterium* (25 мая 1967) 35 AAS 59 (1967), 560 и далее.
157. Пс. 78(77):38 и далее.
158. Ср. Ин. 1:29; Ис. 53:7-12.
159. Ср. Ин. 5:27.
160. Ср. Мф. 9:2-7; Лк. 5.-18-25; 7:47-49; Мк. 2:3-12.
161. Ср. Ин. 3:17.
162. Ин. 20:22; Мф. 18:18; Ср. также, в отношении Петра, Мф. 16:19. Блаженный Исаак Стеллский в одной из своих бесед подчеркивает полное общение Христа с Церковью в прощении грехов: "Церковь не может ничего прощать без Христа, и Христос не желает ничего прощать без Церкви. Церковь не может прощать никому, кроме кающегося, то есть того, кого Христос коснулся Своей благодатью; Христос не желает считать прощенным что-либо в человеке, который презирает Церковь".: *Sermo 11 (In Dominica II Post Epiphaniam, 1)*: PL 194, 1729.
163. Ср. Мф. 12:49 и далее; Мк. 3:33 и далее; Лк. 8:20 и далее; Рим 8:29: "первородный

между многими братьями".

164. Ср. Евр. 2:17; 4:15.

165. Ср. Мф. 18:12 и далее; Лк. 15:4-6.

166. Ср. Лк. 5:31 и далее.

167. Ср. Мф. 22:16.

168. Ср. Деян. 10:42.

169. Ср. Ин. 8:16.

170. Ср. Обращение к пенитенциариям Римских патриарших базилик и к священникам-исповедникам при закрытии Юбилея Искупления (9 июля 1984): *L'Osservatore Romano*, 9-10 июля, 1984.

171. Ин. 8:11.

172. Ср. Тит 3:4.

173. Ср. Тридентский Собор, Сессия XIV De Sacramento Poenitentiae, гл. 1 и канон 1: *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, 703 и далее, 711 (DS 1668-1670,1701).

174. *Lumen Gentium*, 11.

175. Ср. Тридентский Собор, Сессия XIV, De Sacramento Poenitentiae, гл. 1 и канон 1: *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, ed. cit., 703 и далее, 711 (DS 1668-1670, 1701).

176. Ср. Конституция о священной Литургии *Suaosantum Concilium*, 72.

177. Ср. *Rituale Romanum ex Decreto Sacrosancti Conalii Oecumenici Vaticani II Instauratum, Auctoritate Pauli VI Promulgatum: Ordo Paenitentiae*, Vatican Polyglot Press, 1974.

178. Тридентский Собор использует изящное выражение "ad instar actus iudicialis" (Сессия XIV De Sacramento Poenitentiae, гл. 6: *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, ed. dt., 707 (DS 1685), чтобы подчеркнуть отличие от человеческих судов. Новый Чин Покаяния упоминает об этой функции таинства в Nos. 6b и 10a.

179. Ср. Лк. 5:31 и далее: "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные " и заключает: "Я пришел призвать... грешников к покаянию"; Лк. 9:2: "И послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных". Образ Христа-Врача обретает новые поразительные черты, если мы сравним его с образом Слуги Яхве, о котором Книга Исаии пророчесствует, "он взял на себя наши немощи и понес наши болезни " и "ранами Его мы исцелились" (Ис. 53:4 и далее).

180. Св. Августин, *Sermo* 82, 8: PL 38, 511.

181. Там же, *Sermo*, 352, 3, 8:9: PL 39, 1558 и далее

182. Ср. *Ordo Paenitentiae*, 6с.

183. Даже язычники признавали существование "божественных" нравственных законов, которые существовали "всегда" и запечатлены в глубинах человеческого сердца, Ср. Софокл (*Antigone*, w. 450-460) и Аристотель (*Rhetor.*, Book I, Chap.15, 1375 a-b).

184. О роли совести ср. со сказанным мною на общей аудиенции 14 марта 1984, 3: *Insegnamenti VII*, 1 (1984), 683.

185. Ср. Тридентский Собор, Сессия XIV De Sacramento Poenitentiae, гл. 4 De Contritione: *Conciliorum Oecumenicorum Decreta*, ed. cit., 705 (DS 1676-1677). Разумеется, чтобы приступить к таинству покаяния достаточно иметь несовершенное раскаяние, вызванное скорее страхом, чем любовью. Но в области таинства, кающийся, под действием благодати получает, "ex attrito fit contritus," поскольку покаяние вызывает в благорасположенной личности обращение в любви.: Ср. Council of Trent, там же, ed. cit., 705 (DS 1678).

186. *Ordo Paenitentiae*, 6с.

187. Ср. Пс. 51(50):12.
188. Я имел возможность говорить об этих основополагающих аспектах покаяния на общих аудиенциях 19 мая 1982: *Insegnamenti V*, 2 (1982), 1758 и далее; 28 февраля 1979: *Insegnamenti II* (1979), 475-478; 21 марта 1984: *Insegnamenti VII*, 1 (1984) 720-722. См. также нормы Кодекса Канонического Права в отношении места совершения таинства покаяния и исповедания (Кан. 964, 2-3).
189. Я кратко обратился к этой теме на общей аудиенции 7 марта 1984: *Insegnamenti VII*, 1 (1984), 631-633.
190. Ср. Быт. 4:7, 15.
191. Ср. 2 Цар. 12.
192. Ср. Лк. 15:17-21.
193. Ср. *Presbyterorum Ordinis*, 18.
194. *Ordo Paenitentiae*, 7b.
195. Ср. там же, 17.
196. Каноны 961-963.
197. Ср. Иез. 18:23.
198. Ср. Ис. 42:3; Мф. 12:20.
199. Ср. *Familiaris Consortio*, 84: AAS 74 (1982), 184-186.
200. Ср. 1 Пет. 1:1 и далее; 3:8.
201. Там же, 3:9, 13.
202. Там же, 3:8, 9, 13.
203. Там же, 3:17.
204. Литания Святому Сердцу, Ср. 1 Ин. 2:2; Еф. 2:14; Рим. 3:25; 5:11.
205. Папа Иоанн Павел II, Обращение на общей аудиенции 7 декабря 1983, No. 2: *Insegnamenti*, VI, 2 (1983), 1264.
206. Он же, Обращение на общей аудиенции 4 января 1984: *Insegnamenti*, VII, 1 (1984), 16-18.
207. Ср. Рим. 1:5; 16:26.